

Леонард И. Браев

СКВОЗЬ ЛИКИ МИРА

**Анализ
философских оснований
мистицизма**

УДК 1(075)
ББК 87я7
Б(И)

© **Леонард И. Ибраев. Сквозь лики мира.**
Анализ философских оснований мистицизма.
Изд. “Стринг”, 2010. – 427 с.

Изд. 2-е., реконстр. и доп.

ISBN 978-5-91716-085-6

Если мир бесконечен, то способны ли мы знать *все* силы природы? Но тогда почему исключено в нем то, что сегодня предстает нам *сверх*природным – сверхъестественным?

Популярный анализ онтологии и эпистемологии чуда и дива, случайности и причинности, свободы и необходимости, цели и бесконечности, истины и ценности, отношений мистики – религии и материализма – науки – атеизма.

Фрагменты из книги:

УДК 1(075)
ББК 87я7
Б(И)

© Ибраев Леонард Иванович

Предисловие ко второму изданию

Первое издание настоящей книги 1979 года (Москва, «Молодая гвардия») для такого рода литературы вышло тиражом приличным – в 65 тысяч экземпляров и разлетелось мгновенно, так что уже спустя две недели я по всей Москве не мог сыскать ни одного экземпляра, чтобы почтить своих добрых знакомых и друзей.

Но пробивалась она сквозь советские издательства и цензуры с невообразимым трудом, лишь после многих лет всевозможных попыток, – и пробилась в первую очередь благодаря неоценимой поддержке и усилиям проф., зав. сектором современной западной философии Института философии Б.Т. Григоряна и нашего самого прославленного тогда философского метра и кумира студенческой и научной молодежи – Э.В. Ильенкова, давших на нее блестящую рецензию и настоятельные рекомендации, особо выделяя восхитившую их фундаментальную теорию необходимости как определителя человеческого сознания, ценностей и жизни.

И, тем не менее, рукопись подверглась в издательстве правке вкривь и вкось, – невероятной (для меня). Увидев в первый раз гранки книги, я от потрясения полчаса не мог говорить и только заикался. Так я на себе познал, как люди становятся заиками.

Искореженные формулировки, абсурдные перестановки, безжалостные сокращения и несуразные вставки из марксистских корифеев и всяких писателей. Я не узнавал свой текст. Я и помыслить не мог, что с автором могут обходиться столь бесцеремонно и пренебрежительно.

Возмущенный и растерянный, я терялся, что же делать. Судиться? С кем? Если сосредоточить претензии на издательстве? Но чье оно? Ведь издательство партийное. Адвокаты смеялись. Судиться с самим ЦК КПСС? Смешно и пытаться.

Осталось баюкать себя утешениями, которыми меня успокаивали друзья и знакомые:

– Ну, хоть что-то из рукописи, пусть искалеченное, но все же прорвалось в свет. В наших-то условиях книга вообще могла не пройти. Хорошие люди помогли тебе ее проташить. Так радуйся и будь благодарен. Счастливчик! Скольким загубленным сердягам и этого не удавалось. Все-таки немало своих идей застолбил, хотя бы и с искажениями. Так сказать, «ты ускользнул от Эскулапа, худой, обритый, но живой».

Тем не менее, соглашаясь радоваться обнаружению одних мест рукописи, я все-таки как-то стыдился злополучной книги – за другие места, не свои, – и мне не хотелось к ней возвращаться. Все равно ведь ничего нельзя поделать.

А потом, в вольные и лихие 90-е годы, казалось, кому нужна такая тематика? Не до нее. Да и трогать мистику в обществе, обнищавшем и от ожесточения одичавшем, – не дурно ли?

Унылые люди устало говорили:

– В коммунизм уже не верят. В рынке и демократии тоже разочаровались. На людскую доброту и честность не надеются. Так надо же людям во что-то верить! На этом свете – пусто, так хоть на том свете найти утешение. Ныне у нас – “Христос воскрес”, – религиозное возрождение. А в печати и рекламе – наводнение всевозможных экстрасенсов, колдунов, астрологов и всякой эзотерики.

Однако теперь, в 21 веке, дискуссии или, вернее сказать, запальчивые, хотя большей частью поверхностные перепалки между людьми религиозными и атеистами вспыхивают не только в прессе, на радио, телевидении, в Интернете или в парламентах, но и в повседневной жизни, вовлекая в себя даже академиков, включая нобелевских лауреатов. И в них все тревожнее проявления взаимного непонимания и ожесточения сторон, даже нетерпимости. И теперь я с горечью вижу, что книга вновь стала для общества актуальной. Похоже, даже несравненно актуальнее, чем раньше.

Правда, статусные роли оппонентов нынче поменялись. Прежде гонимые церкви обрели государственное покровительство и, окрыленные им, воспряли, показывая растущую воинственность и явное нежелание мириться со своим отделением от государства, от армии и от школы – с тихой ролью ненавязчивого пастыря страждущих душ, свято уважающего свободу совести и вообще демократию.

Ныне церкви не хотят отделяться даже от науки – и их общероссийский Съезд – Собор 2007 года дружно пожелал, чтобы сам ВАК удостоверял “научность” их диссертационных исследований текстов Иоанна Златоуста или других богословов о Боге, чудесах и житиях святых, их подлинности и смысле, и выдавал дипломы научных степеней.

Ну, а за ними в очереди в ВАК уже стоят астрология, спиритизм, магия и прочие “науки”.

А почему не может быть доктор магических наук? И даже член-корреспондент? А как же? У них же тоже есть опыты и эксперименты, термины и математика, факты и теории. Почему же они не признаются науками? А по каким критериям дискриминация?

То-то веселая жизнь начнется в Академии наук. Пойдут жалобы в Конституционный суд и в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. Можно представить вытянутые лица судей.

Во всяком случае, президентов уже осаждают со всех сторон. А гаранты Конституции благоразумно отмалчиваются. Как бы здесь не ославиться на века, не “войти в историю”. Лучше уклониться. Не наша, мол, компетенция.

Ведь стоило только допустить неосторожность – публично проявить симпатию к одной из сторон, как подражательно изогнулись нижесидящие и возмутилась – приревновала другая сторона – и вот началось, лёд идеологического раскола тронулся.

Ревнители демократии в тревоге за светский характер государства, увидели здесь претензии священнослужителей если не на теократию (10.6), то, по меньшей мере, на соуча-

стие во власти и на “воцерковление” населения, опасность сращивания религии с политикой, образованием и культурой, путь к религиозной нетерпимости, конфессиональным и другим идеологическим раздорам и к распаду страны.

Видно, не зря в демократиях власть держит нейтральную дистанцию от всех идеологий, включая религии и оккульти.

Похоже, теперь у нас в загоне скорее атеисты, иногда уже зачисляемые в разряд – подумать только – “врагов Родины” и “агентов влияния”, и в защите нуждаются скорее материалисты. Или они, боясь задеть чувства верующих, так и будут деликатно проходить мимо религиозной экспансии – “клерикализации”?

Служители и приверженцы церкви требуют “прекращения монополии материализма в школе” и мечтают вовлечь в эти распри уже и детей. С азартной дрожью в голосе призывают запретить окаянный дарвинизм. Прямо так и записать в учебниках, что человек произошел не от обезьяны, а сотворен Богом, ибо так сказано в Библии. И вернуть преподавание Закона Божия – под именем “Основ православной культуры” (первоначальное до 1999 года название было откровеннее: “Основы православного вероучения”), а в университеты – теологию. Видимо, вместо почившего “научного атеизма” или “научного коммунизма”?

Ну, а за ними, само собой, потянутся основы культуры мусульманской, буддистской, иудейской и т.д. Не дискриминировать же их?

А в частных разговорах они уже делятся своими задушевными мечтами изгнать из школ и университетов преподавателей, признающих себя нерелигиозными.

По их боевому напору чувствуется, что осторожность ими забыта и, дай им волю – они готовы восстановить в стране дореволюционную полутеократию с обязательным для всех еженедельным хождением в церковь на богослужение и на исповедь. А как же? Ради “борьбы за нравственность и госбезопасность”!

Ведь они хотят, как лучше.

Только религиозных раздоров в обществе, гонений и ответного возрождения враждебности к церкви нам и не хватает для полноты счастья.

И в торжествующем упоении они уже и не замечают, как теряют сочувствие среди населения. Похоже, в отличие от своих скромных родственников в старых демократиях – наших церковников история так ничему и не научила.

Правда, владыка Кирилл, тогда еще митрополит Смоленский и Калининградский и глава отдела внешних церковных связей Патриархии на своей пресс-конференции добродушно утешал встревоженных академиков чем-то похожим на некоторое удивление:

– О чем, мол, они беспокоятся? Никакого клерикализма у нас нет. Вот если бы у нас министром по делам науки стал какой-нибудь епископ или муфтий, а ученые стали ходить к нему на прием утверждать свои исследования, тогда бы – да.

Однако к переизданию книги меня подвигает не только новая злободневность обсуждаемых вопросов. По-моему, важнее другое. Набросанные в ней оригинальные концепции разных проблем и явлений представляют самостоятельную познавательную и практическую ценность – сами по себе.

Ко всему прочему присоединяются мотивы также и личные. Переиздание в условиях свободы от цензуры и новых интеллектуальных инструментариев предоставляет счастливую для меня возможность реконструировать аутентичный текст книги, очиститься от этих ужасных редакционных вставок, перестановок, сокращений.

Прекрасный случай также раскрыть эзоповы наведения – на то *не* марксистское в понимании и диалектики, и материализма, и общества, и на то *не* советское в понимании советских реалий, что в те строгие времена я мог позволить себе сказать лишь завуалировано, в расчете, что думающий читатель сам – из сопоставлений – придет к верным выводам.

Ведь когда запрещено говорить “Четыре”, можно сказать: “Дважды два” или “Семь минус три” – хитрости неистошмы,

– и захватывающе веселые состязания с цензурой были в ту эпоху излюбленным развлечением не только интеллигенции.

За семьдесят лет у нас так всем намозолили мозги марксизмом-ленинизмом, что теперь редко задумываются, что материализм, оказывается, есть и вне марксизма, а диалектика бывает идеалистической и даже схоластической, какой она и была у Гегеля, а во многом – и в казенном “диалектическом материализме”. А бездумные флюгеры, вивась по ветру моды, как раньше угодливо о нем трещали, так теперь предпочитают о нем просто забыть, но не смеют его преодолеть.

Ну и, мне кажется, сообразно развитию времени было бы неплохо и даже уместно кое в чем себя дополнить, хотя бы коротенько. В частности, я решаюсь в сокращении включить в книгу главу о причинах и психологии мистики и атеизма, которую в советские времена я даже и не пытался опубликовать, настолько она была еретической.

Не мне судить, что из этого получилось.

Разумеется, мысль не остановить – и с тех времен у меня, естественно, развилось существенно иное понимание человеческого сознания, более сложное, и, надеюсь, более глубокое, и, в частности, сложилось более строгое разделение, что такое наука и ненаука, и какова природа мифа, что весьма пригодились бы здесь. Но включить новое понимание сюда, в эту молодую книгу? Не вижу как. Не вмещается. Боюсь, тогда от перестройки текста весь аромат непосредственного течения мысли исчезнет.

Беглый набросок экстракта из новой теории дан в другом моем недавнем издании – в критике философии – *Леонард И. Браев*. Ворота философии. 2004 г., гл.2, 5, 11-12, куда и отсылаю тех интересующихся, кто будет не удовлетворен и захочет углубиться дальше.

О г л а в л е н и е

Предисловие ко второму изданию.	3
Предисловие	9
I. БОЖЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО	19
1.1.Почему доказательство доказывает? 1.2.Сверхъестественное и закон. 1.3.Чудо или диво. 1.4.Чудо и доказательство. 1.5.Заочный суд. 1.6.Вера и сомнение обобщений. 1.7.Относительная абсолютность истины. 1.8.Фантазия и истина науки. 1.9..Две веры. 1.10.Неправдоподобная возможность и чудо. 1.11.Отношение чуда к практике.	
2. ЧУДО СЛУЧАЙНОСТИ	59
2.1.Сверхъестественно ли случайное? 2.2.Стеченность события. 2.3.Диалектика случайности и непреременности. 2.4.Смысл их относительности. 2.5. Релятивные формулы вероятности. 2.6. Условие относительности. 2.7. Объективна ли случайность?	
3. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СУДЬБА ИЛИ СВОБОДА ВОЛИ? ..	87
3.1.Судьба естественная и сверхъестественная. 3.2.Причины воли или свобода? 3.3.Обусловленность и ответственность. 3.4.Диалектика свободы и непреременности. 3.5.Существует ли историческая неизбежность? 3.6.В чем различие исторической неизбежности и судьбы? 3.7. Закон необходимости. 3.8.Когда компьютер станет человеком? 3.9.Необходимость и личность. 3.10.Человеческая сторона необходимости.	
4. МОЖНО ЛИ ЗНАТЬ О ТОМ, ЧЕГО НЕТ?	139
4.1.Номиналистическая загадка. 4.2.Сущность и значение фантазии. 4.3.Авторитет страданий, массы и авторитетов. 4.4.Прагматисты об истинности мистики.	
5. ОТКУДА ПРЕКРАСНОЕ?	153
5.1.Загадка ценности. 5.2.Объективна ли ценность? 5.3.Добра ли человеческая природа? 5.4.Познаваемы ли добро и зло? 5.5.Стратовость и историчность ценностей. 5.6.Откуда идея абсолютных ценностей? 5.7. Необходимость – источник значений, оценок и идеалов. 5.8. Как образуется идеал?	

5.9. Нравственность. 5.10. Взаимная зависимость – основа морали. 5.11. Религиозная мораль. 12. Истина оценок и идеалов. 5.13. Относительная абсолютность правды.

6. ЕСТЬ ЛИ У ВСЕЛЕННОЙ ЦЕЛЬ? 220

6.1. Телеология. 6.2. Цель или следствие? 6.3. Равнодушие вселенной. 6.4. Целесообразность в живом. 6.5. Теодицея. 6.6. Являются ли законы мира его разумом?

7. МОЖНО ЛИ ДОКАЗАТЬ БЕСКОНЕЧНОСТЬ МИРА? .. 245

7.1. Первая причина. 7.2. Бесконечность вселенной или духа? 7.3. Основания бесконечности. 7.4. О недоказуемости бесконечности. 7.5. Закон превращений. Смысл законов сохранения. 7.6. Основания заключений о вечности. 7.7. Заграничность границ. 7.8. Конечность – доказательство бесконечности.

8. КОНЕЧНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ В ФИЗИКЕ. 259

8.1. “Тепловая смерть” вселенной. 8.2. Исчезновение материи. 8.3. Если звезд – бесконечность, то почему небо черное?. 8.4. “Взрыв вселенной” 8.5. Радиус мира. 8.6. Что такое кривизна пространства?

9. ОПРОВЕРЖИМО ЛИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ? 291

9.1. Недоказуемость сверхъестественного. 9.2. Опровержимо ли сверхъестественное? 9.3. Дуалистский агностицизм.

10. ПРИЧИНЫ МИСТИЦИЗМА И АТЕИЗМА. 305

10.1. Разум мистицизма. 10.2. Бессилие или сила мистицизма. 10.3. Нецелесообразные причины мистицизма. 10.4. Закономерности образования мистики. 10.5. История мистики. 10.6. Превращение в религию. 10.7. Разрелигенье мистики. 10.8. Причины атеизма. 10.9. Современный атеизм.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 382

11.1. Антифиза мистицизма и материализма. 11.2. Религия и общество. 11.3. Опровержение мистики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первоначально мистикой (от греч. μυστικε – таинство) именовали эзотерические представления сверхъестественного, принятые в тайных закрытых обществах посвященных, такие как у халдейских мудрецов, последователей Пифагора, Лао-Цзы, древнееврейской Каббалы, Платона, Плотина и других подобных философов.

Но ныне уже давно мистика (или для отличения от статики лучше сказать *мистицизм*, имея в виду само мистическое мировоззрение) означает любое чувство в мире сверхъестественного, лежащее в основе самых разноликих его видов, – не только религии, но и обыденных поверий – суеверий (впрочем, для религии суеверие – любое инакомыслие, отличие от ее собственного учения), астрологии, белой и черной магии, телепатии, ясновидения, теософии, антропософии и других форм оккультизма, пантеизма и т.п.

Среди яркого мира темный провал мистики давно пугает и влечет окружающих, точно тревожно-сладкий голос Сирены, – и миллиарды людей по всему миру им зачарованы, не смотря на гордость городских громад и моторов. И даже не верящие в нее люди все же бывают обеспокоены ее загадочностью.

Что такое сверхъестественное? Существует ли оно? Откуда приходит к нам мистическое чувство?

Современная апологетика мистического мировоззрения – во всех его разновидностях, строится на тех "мировых загадках" – наиболее острых – если не проблемах, то вопросах философии и специальных наук – от математики и физики до аксиологии и социологии, – которые являются ареной давнего противостояния материализма и мистицизма.

– Наш опыт ограничен настоящим, а между тем наши обобщения распространяются на будущее, – чем же тогда они отличаются от бездоказательной веры? – спрашивают нас (например, известный современный томист (последователь Фомы Аквинского) де Фриз (*Vries, J, de*, S.110; баптистские теоретики (см. «Братский вестник», 1972, № 2, с.58) и др. А если противоречие нашему опыту и разуму еще не опровержение, то не означает ли это, что и чудеса – вовсе не сказки для младенцев?

– Если все имеет причину, то откуда случайность, как не от сверхъестественного? – решение, обычное не только среди *теологов* (букв. богословов, от греч. θεός - бог), но и среди части философов и ученых. А раз так, то возможна ли для нас свобода воли? Или нас ведет судьба? Чем отличается идея исторической неизбежности от веры в судьбу?

– Человеческие оценки и идеалы требуют изменения мира, выходит, не могут быть его отражением, как другие идеи, – откуда же тогда они, как не от сверхмира? Добро для эксплуататора есть зло для эксплуатируемого, – что же такое нравственность? Не являются ли прекрасное, совесть, мораль потусторонними по происхождению?

– Не является ли следствие причины вместе с тем осуществлением цели? А естественные законы – разумом мира? Есть ли у вселенной цель? – как со времен Платона думают многие интеллектуалы.

– Никто не видел ни концов мира, ни бесконечности, – откуда же мы знаем, что мир бесконечен? Что значит выводимая некоторыми космологами из теории относительности Эйнштейна "замкнутость пространства-времени", в которой вселенная становится конечной, но безграничной?

– Если мир бесконечен – в глубину, в пространстве и во времени, то как доказать, что во всей его бесконечности нет сверхъестественного? Ведь мы не знаем всей бесконечности?

Такие сами по себе любопытные головоломки задает нам анализ того, что теология величает своей "основной истиной".

Существует ли сверхъестественное? – первый вопрос на тысячелетнем споре материализма и мистики. Марксизм даже считает его теологическим видоизменением вопроса о первичности природы или духа, который полагает основным и в самой философии. (Т.21, с.283). (На самом деле, как увидим, их отношение даже *обратное*: дух природы – разновидность *сверх* природы.) И сегодня для миллиардов приверженных или колеблющихся к мистике людей от его решения зависит их отношение ко всем величественным битвам и партиям эпохи.

Круг рассматриваемых здесь проблем объединен обычным для теологии вниманием к затруднениям философии и науки, но обстоятельность анализа обусловлена уже их собственной сложностью и собственным их научным и практическим интересом, который вызывает в массовой читательской аудитории настоящий голод по популярной литературе о них, расходящейся миллионными тиражами, – и эта обстоятельность разбора естественных проблем, разумеется, совершенно непропорциональна содержанию сверхъестественных на них построений, хотя без ясности в первых не может быть обнажения подмен и натяжек во вторых.

Таким образом, такое превалирование философии и науки закономерно при серьезном подходе; по-моему, было бы неправильным преувеличивать значимость самой по себе теологии.

– Но есть ли в мистицизме, пусть даже и в теологическом, какие-то философские основания? Философия ли это? Что называть философией? – сразу ворчит философский пурист, конечно, из материалистов, исполненный презрения к примитивной архаике.

Согласен. Как правило, сами по себе мистические теоретизирования и теология – не философия, потому что апология в них *заранее* заданных догматов и страхов подавляет свободу критики, сомнения и исследования, отчего они вырождаются в лицемерную видимость. Это несомненно даже для самих некоторых богословов (см. *С. Булгаков*, 2008, с.123, 126).

Но чтобы не утопить существо дела в преждевременных здесь терминологических разграничениях, отложим пока их рассмотрение, не будем спорить о словах, а примем, как принято, что все же такая философия существует – от Платона и Августина до Вл. Соловьева и Хайдеггера, обычно так и величаемая – “религиозной” (хотя, по-моему, ее точнее бы называть *мистической*), и как раз ею питаются магические теоретизирования и религиозные теологии.

Об отношениях между мистицизмом и философией издавна сражаются два мнения, поднимаемые противоположными чувствами к ним.

Малообразованные мистики испытывают естественную неприязнь к непонятым для них и тем их унижающим высоколобым мудрствованиям, в особенности, понятно, к материализму, и при всякой возможности готовы их бранить и преследовать, чем и прославилось темное Средневековье.

Наоборот, Просвещение не могло не проникнуться презрением к такому архаическому мистицизму, видя в нем всего лишь нелепое заблуждение примитивных невежд, и сама мысль о каких-то там философских основах в нем для него смешна.

С древности и поныне такие упрощенные толки о мистицизме обычны среди атеистов, в глубины души убежденных, что верить в эти несурезицы могут и, вправду, лишь слабоумные, а потому сами их гордые отрицатели, понятно, не желают всерьез задумываться над тем, что представляется им такой ерундой, – отчего их речи – не серьезные раздумья и даже не критика, аналитическая и позитивная, а скука абстрактных рассуждений, вернее, даже деклараций несомненных и неоспоримых истин, почерпнутых из научных публикаций или цитат, которые “Юм сказал”, или – соответственно – “Маркс сказал”.

В итоге они переходят в крикливую и бестактную брань “казуистики”, “галиматы” и “мракобесия”, а то и в богохульство. И так оглупляя и оскорбляя, обращаются к людям, которые сами совсем не расположены шутить своей верой и

со своей стороны считают атеистов духовными недорослями и невеждами или даже дефектными..

Новые Вольтеры обычно выбирают, как им кажется, что полегче, – объяснить и осмеять несурезицы в колдовских церемониях или в мистических мифах – что-нибудь вроде беременной головы Зевса, спасения всех животных на Ноевом ковчеге или о лепке человека, серьезно доказывая, что, по данным науки, Еву никак нельзя сделать из ребра Адама, и не задумываясь, что в глазах самих верующих, которые по образованнее, эти мифы в буквальном понимании бессмысленны и опровергать их глупо, но, тем не менее, их поклонники прозревают в них таинственные иносказания и символы. А те мистики, что малограмотны, просто не в состоянии увидеть в древних обрядах и мифах протиестественные нелепости, не усвоив прежде современную естественную картину мира; но и увидев эти нелепости, вовсе не обязательно они от них откажутся, а не погрузятся в более изощренные таинственности.

Вот почему стало довольно обыкновением идущее от профессоров этнографии и психологии 19-го века, такое различие философского так называемого “идеализма” (вернее называть *идеизм*¹) от религии, которое едва ли не доходит до их противопоставления: в нем нет-де культа, нет мифов, нет особого чувства потустороннего и духовного утешения.

И они, разумеется, во многом правы.

Философия исходит из разума – его сомнений, критики и доказывания, а мистицизм, хотя и старается согласовать свои идеи с разумом, но исходит прежде всего из эмоций, поэтому несамокритичен и испуганно догматичен, особенно в религии.

И, тем не менее, такое традиционное различие поверхностно. Между этими духовными антитезами существует и немало общего.

---

¹ От слова не “идеал”, а “идея” – в расширенном смысле всего человеческого сознания, поскольку философия 17-18 веков, наоборот, сужала все сознание до идей.

С одной стороны, по мере распространения просвещения в стремлении согласоваться с разумом мистицизм все более, так сказать, “рационализируется” и не только в форме теологии, но и в обыденном сознании, и сегодня, в пору массовой школы, и не только средней, но и даже высшей, он далеко отошел от примитивной старины.

"Мы спорили целыми часами, скитаясь по переулкам Замоскворечья, я отказывался понимать: Валентин, такой молодой, начитанный, блестящий инженер, поэт – и вдруг верующий", – характерно удивлялся философ-аспирант ("Комсомолка" от 6.07.1968). Реверансы перед религией и близкой к ней философией, которые делал на уроках обществоведения десятиклассник, ставят в тупик и его учительницу, и поначалу даже институтского преподавателя философии: вдумчивого и задавленного "лавиной информации" юношу особенно волнуют и затрудняют вопросы случайности и релятивизма ("Комсомолка" от 5.06.1968).

Отрекшиеся от духовного сана Петр Петров и Евграф Дулуман вспоминали в свое время, как они, тогда "обыкновенные советские парни", один где-то на Урале, другой – на Украине, были совращены с безбожного пути приключившимися рядом настоятелями местных церквей.

Оба на бородатых собеседников тоже смотрели с пренебрежением – "примитивы, на уровне деревенских старух", – рассчитывая в первом же диспуте положить допотопных динозавров на обе лопатки, а один собирался даже "переубедить" священника в безбожие.

Но у обоих, по их признанию, атеизм опирался всего лишь на "конечно, бога нет", и, к их удивлению, на лопатки оказались положенными не "толоконные лбы", а они, задорные атеисты, которые были так ошеломлены поповскими аргументами, что со временем сами подались в семинарию.

Да что "обыкновенные парни". Сегодня религия не та, что еще каких-нибудь тридцать лет назад. Нынче из проповедей исключаются все архаические догмы об Адаме и Еве, с амвонов не гремят проклятия Советам, а поют аллилуйю

коммунизму [теперь – новым антикоммунистическим властям] и утешение страждущим.

Нынче, как показывают социологические обследования, всего лишь около 19% верующих представляют господя человекоподобным, каким его живописуют на иконах. Для большинства он стал неопределенной потусторонней сущностью, являющейся в законах природы.

Религия всегда умела использовать Рублева и Баха, Паскаля и Ньютона, театр и Интернет, и сегодня сообразно развитию века свои теоретизирования бронирует в столь утонченные доводы, что перед ними пасуют даже иные философы и естествоиспытатели с мировым именем, тем более, что иные из этих ученых мужей и любомудров сами не чужды мистического трепета и своими недоумениями, – да какими! – в частоколе хитроумных рассуждений, интегралов и тензоров, нагоняющих благоговейный трепет на полупосвященных, – вольно или невольно пополняют арсенал теологии.

При этом, мистицизм в поисках себе теоритикообразной защиты от наступающего рационализма, со времен средневековых схоластов и поныне неизменно находит опору в идеистической философии, пополняя свой арсенал богатыми заимствованиями из нее, – и как раз потому, что в идеизме явно дыхание мистицизма.

Ведь, с другой стороны, сама философия бывает самой разной, в частности, также и мистической.

Неверно, что в философии, – платоновской² ли, берклианской³ ли, нет особого чувства потустороннего. В основе их

---

² Последователей Платона – таких, как Спиноза, Гегель, Шопенгауэр и другие *спиритуалисты*, – верящие в мировой дух (по-лат. spiritus) или в мировой разум, и *пантеисты* – по-греч. букв. – “все – бог”.

³ *Феноменалистов* – таких, как Беркли, Юм и многие другие, которые, следуя *сенсуализму*: нам даны только комплексы ощущений (по-лат. sensus), – считают, что несомненно существуют не вещи, а только воспринимаемое и мыслимое нами – явления (по-греч. *феномены*), – прежде всего внешние – для *позитивистов* (Милль,

рассуждений лежит холод зависимости от тайной духовной той стороны, отчего сами-то мысли могут быть не сухими, а очень эмоциональными и даже художественными, как у Сенеки или нынешних экзистенциалистов.

Конечно, для просвещенного мистика предания о приключениях человекоподобного сверхъестественного наивны. Но культ есть; лишь заостренелые хвалебные песнопения – молитвы и человекообразные изображения – иконы (их нет, кстати, и в баптизме, и вообще в протестантстве), поклоны, жертвоприношения и т. п., представляются ему просто неразумными: зачем какие-то подарки тому, кто и так владеет всей вселенной? Зачем специальные просьбы к тому, кто и без того все ведаёт?

И причина преклонения остается – сознание своей одинокости с духовной сущностью мира – каким-то надзвездным Духом или надзвездным Разумом. А, стало быть, есть и преклонение, причем не только в душе, но и в поведении, хотя и не битиё лбом в пол, а что-нибудь, например, толстовское. Как есть и утешение, хотя и не рай с золотыми яблоками. Духовная родственность с инобытием означает наше духовное бессмертие в нём и даёт основание для подозрений какой-то тайной вселенской справедливости и для надежд на сверхъестественную помощь в трудную минуту, даже без молитв и обрядов.

Таким образом, разница лишь в проявлении.

Что касается негодности для "рядового сознания", то это было когда-то. Как у малосведущего человека мистицизм необходимо принимает форму примитивного человекоуподобления, а другое ему недоступно, так у просвещенного – философскую. В этом причина её все большего распространения в наше время, как и промежуточных форм вроде баптизма и модернизма.

Спенсер, Рассел, Карнап и др.), или прежде всего внутренние – для экзистенциалистов (Шестов, Камю, Хайдеггер и др.).

Хотя пантеистские мотивы – из стоицизма, неоплатонизма и вообще от античной образованности – вплелись и в ортодоксальное христианство, где сам бог – дух, лишенный образа. Еще больше их в первоначальном даосизме и буддизме, где принятого в христианстве, мусульманстве и другом *теизме*⁴ персонифицированного бога долго вообще не было, а мыслилось невидимое вечное *дао* – путь мира или одно распростертое в мире пустотное безличное сознание (*шунья*), в котором растворяются души умерших, – по-моему, исторически первая форма феноменализма, созданная, должно быть, праздною древних отшельников.

Лишь став государственной церковью, имеющей дело с "рядовым сознанием" тёмного крестьянина, ремесленника и торговца, даосизм и буддизм вобрали в себя и всякие мифы о Будде, Кришне и т.п. личных божествах, в которые превращается брахман. Не случайно нынешнее модное поветрие на даосизм и буддизм среди интеллигенции и всяких хиппи.

Это внутреннее родство религии и философского идеизма видел уже Фейербах, считавший его "просто рациональным или рационализированным теизмом", (т.1, с.160), что у него воспринял и Маркс и – с прозрачной целью низвести своих философских противников до презренного уровня религиозной архаики – довел его до преувеличений, уверяя, что все они "как философские, так и религиозные, как старые, так и новые, верят в наития, в откровения, в спасителей, в чудотворцев, и только от степени их образования зависит, принимает ли эта вера грубую, религиозную форму или же просвещенную, философскую, подобно тому, как только от степени их энергии, характера, общественного положения и т.д. зависит, относятся ли они к вере в чудеса пассивно или активно, т.е. являются ли они пастырями-чудотворцами или их паствой, и далее, преследуют ли они при этом теоретические или практические цели". (Т.3, с.536)

---

⁴ Представление бога особой человекообразной личностью, верховным творцом и правителем мира.

Наши очерки касаются именно этих "высших форм" мистической мысли. Простодушные же притчи об Адаме и Еве, – что от них осталось после огня гуманистов и просветителей от XV до XIX столетий? Несуразность их для людей современного образования слишком очевидна.

Мистицизм не отступает от бичеваний. Для освобождения от его концепций нужно вычленение их предпосылок ("деконструкция", как выразился бы Ж.Деррида) с тем, чтобы их превзойти – обнаружить их ограниченность, – объяснить те стороны действительности, из преувеличения которых они выросли, и те стороны, которые ими упущены, тут нужно творчество, а не декларативность, упрощенность и цитаты в сопровождении брани, – выражение теоретического бессилия и деспотизма, которые, понятно, никого не убеждают, едва ли кого пугают, а у независимых людей вызывают лишь насмешку.

Эти заметки написаны популярно, в них нет необъясненных условностей из специальных наук, и они доступны всякому читателю уже со средним или около того образованием, хотя и требуют вдумчивости. Ведь живость и раскованность не исключают глубины и остроты мысли.

Даже наоборот, аналитическое расчленение необходимо для познания, но, чтоб обезопасить себя от ограниченности порождаемых им абстракций, нужно относиться к ним свободно, как говорил Гёте, с иронией, то есть без абсолютизации.

Лишь ученые педанты почитают признаком профессиональности и хорошего тона жреческое тайноречие, загордившееся от мира не столько терминологией, сколько своей безликостью и вычурностью.

Глава 1. БОЖЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

1.1. Почему доказательство доказывает?

Если бы существование сверхъестественного было очевидным, его бы не старались доказывать.

Доказательством называют обоснование *истинности* мысли (или ложности – в случае опровержения), то есть ее соответствия тому, что *взаимодействует* с нами и что мы за это выразительно величаем *действительностью* (“реальностью”, “существующим”) и потому вынуждены полагать тем, в чём мы живем. И установление истины именно взаимодействием происходит по *необходимости*, – потому что действительность определяет результаты нашего действия – **факты**.

Потому-то доказательство не может быть ничем иным, кроме подтверждения идеи *взаимодействием*, короче, *делом*, или, по-книжному, *практикой*, в частности, ее разновидностью – действием, проводимым специально ради познания, – *опытом* (*экспериментом*), то есть соответствия мысли фактам, воспроизводимым или сохраняющимся.

Практические факты – не то, что нами только наблюдаемо (оно, бывает, всего лишь кажется), а то, что у нас *неизменно* получается во *взаимодействии*. Оттого-то понимание (“интерпретация”) факта может меняться, но сам факт *неопровержим*.

А как же доказательство умозрительное (логическое, теоретическое)? Где здесь действие?

Подтверждение тезиса может быть непосредственным – *практическое* доказательство, – **испытание**, или опосредованным – *теоретическое* (*логическое*) доказательство – открытие сочетающих тезис “очевидностей” – идей, *всегда* утверждаемых практикой.

Таково логическое доказательство, применяемое, к примеру, в математике, – сведение доказываемой теоремы к взаимоотношению образующих ее положений, принимаемых за очевидные, – аксиом. Или в физике – разложение события на образующее его взаимодействие отношений, известных в качестве простых и всегда утверждаемых опытом, – на взаимодействие законов. (Впрочем, Ньютон их называл тоже аксиомами). Именно поэтому при строгом определении и символизации и понятий и правил действий над ними (алгоритмов) логика может, так сказать, «вычислять» доказательства. Таким образом, логическое доказательство, употребляя очевидности как свои средства (аргументы или основания), своим последним основанием имеет дело.

Очевидность требуют доказать, когда ей, по-видимому, противоречит очевидность другого опыта, то есть когда очевидности нет. Хотя такое исчезновение очевидности не означает, что противоречащие очевидности отменяют друг друга: они принадлежат разному опыту, и очевидность более широкой практики включает более узкую, как, скажем, квантовая физика микроскопических объектов и околосветовых скоростей, начатая Планком, Гейзенбергом и Шредингером, включает в качестве своего частного случая Ньютонovu физику сравнительно крупных тел и малых скоростей, лишь вне этой территориальной относительности ей противоречащую.

Отрицание старых законов означает не выбрасывание их, а лишь ограничение и дополнение.

1.2.Сверхъестественность – сверх закона.

По мнению мистиков, в мире звучит божественный глагол, в частности, время от времени происходят события, непосредственно показывающие существование сверхъестественного (потустороннего), – *чудеса* (миракли): хождение по воде, усмирение бури, остановка солнца, превращение воды в вино и т.п.

Не верите?

Сверхъестественным (сверхприродным, “вышемирным”, “трансцендентным”) обычно называют противоречащее естест-

венным ($\equiv$ природным) законам. Слово "противоречие" здесь употребляется не в диалектическом смысле взаимного противояединства противоположного (Какое может быть единство с тем, что, как полагается, здесь не существует?), а в смысле инакости, инородности, несогласия, несоответствия.

Но и с этой оговоркой такое определение очень неточно. Сверхъестественное – не то, что противоречит тому или иному закону. Биологические явления противоречат законам механики; законы механики нельзя распространять на химические явления и т.д. За границами действия любого закона протекают противоречащие ему явления, но они оттого не сверхъестественны.

Нельзя сказать и что сверхъестественно – то, что противоречит всем законам вообще: этак ни один миф мы не сможем отнести к сверхъестественному, потому что нам не могут быть известны "все" законы.

С другой стороны, мало ли фантазий, противоречащих известным и неизвестным законам, которые все же никак не относятся к сверхъестественным? В приключениях Апулея, фантазмагории Гофмана об уродце Цахесе, которому окружающие невольно приписывают чужие достоинства, фантазии Гоголя – о носе, превратившемся в важничающего чиновника, в рассказе Бальзака "Шагреновая кожа" – символе власти денег, в романе М.Шелли об искусственном добром человеке Франкенштейне, который убивает своего творца, в сатирах Щедрина, в рассказе М. Булгакова "Собачье сердце", в романах Жуль Верна, – хотя бы о полете из пушки на Луну, – или в повестях Александра Грина о дивно прекрасных странах и людях.

Искусство в своих вымыслах живописует человеческие мечты или страхи или олицетворяет общественные извращения реальности, чтобы выставить их всем на вид, но не выдает за реальность их сами.

Однако невозможные идеи возможны не только в искусстве. Как известно, и в науке в обобщениях фактов есть фантазии, которые воспринимаются часто даже не гипотезами, а достоверным знанием, – вроде флогистона у химиков 17 века или

мирового эфира у физиков 19 века. Они не соответствуют законам, и все же – это наука, а не мистика, потому что хотя это фантазии, но фантазии о законах, почему они сформулированы так четко, что доступны *опровержению* контрфактом и в принципе могут быть проверены практикой.

Предвижу недоумение: как же так, сверхъестественное противоречит не тому или иному закону и даже не всем законам вообще? Что же оно тогда соответствует что ли естественным законам?

Нет, конечно. Оно противоречит не одному, так другому закону, но такое определение сверхъестественного, как мы убедились, совершенно не отделяет его от естественных явлений и фантазий и, стало быть, недостаточно и неудовлетворительно.

Закон есть **постоянство** (станта), так сказать, природный шаблон, правило, – иначе, *неизменность в изменениях*, непременная однородность действия всех однородных вещей.

Законом является и причинное постоянство – всегдашнее производство причиной своего следствия. Но не только. Закон шире причинности: 332 метра в секунду – скорость распространения звука в воздухе (при нормальном атмосферном давлении и при 0°C) – закон, но о причине здесь речи нет. Закон – это и постоянство сложных зависимостей (например, материалистический закон обусловленности всего облика общества его материальными отношениями) и постоянство в соотношении между строением и свойствами вещей (периодический закон химических элементов Менделеева или сходство свойств микрочастиц в их восьмеричных семьях – мультиплетах), и постоянство свойств (снег белый); и отражаемое в математических уравнениях постоянство количественных соотношений в разных превращениях (например, механического движения в теплоту) и перемещениях (постоянство скорости звука в определенной среде); и постоянство любой простой последовательности явлений, даже без всякой зависимости между ними (смена дня и ночи – закон).

Закон шире причинности, хотя, конечно, любое единообразие отношений, как и все на свете, имеет свою причину, а именно, является следствием единообразия своих условий. Скажем, та же скорость распространения звука в воздухе обусловливается взаимоотношением его молекул, а постоянство этой его скорости – постоянством этого взаимоотношения. Любой закон производится другими, причинными законами – сущностными, составляющими его сущность; те в свой черед – еще более глубокими законами – и так без конца.

Причем для человека особенно важны именно причинные законы. Снег белый – знание таких законов дает нам возможность предвидеть события, но не дает возможности *изменять* их. Мало проку знать, что было, не зная, почему. Только знание причинных законов, попросту, причин позволяет изменять следствия. Люди потому любят во всем докапываться до причин, – того, что вызывает – изменяет явления, что нам самим *необходимо* вызывать – изменять.

Неверно понимать “*всеобщность*” законов как их неограниченность.

“Действие” любого закона ограничено определенными *условиями*: однородно действуют лишь однородные вещи в однородных условиях; иначе говоря, проявление этого действия может быть одинаковым только при одинаковых прочих, встречаемых действиях. Равенство скорости света 332 метрам в секунду – вечный закон, но только для физических условий земной атмосферы или подобного небесного тела.

Зависимость силы тяготения в прямой пропорции от массы тел и в обратной – от расстояния – этот закон Ньютон вывел из изучения падения тел на Земле, а потом из движения планет, комет и Луны. Позже астрономы обнаружили, что ему подчиняются двойные звезды, удаленные от нас, по их подсчетам, на десятки миллионов световых лет, и еще более далекие скопления туманностей за десятки миллиардов световых лет. Границы его действия неизвестны, но практика познания всех законов заставляет нас полагать, что и он действует лишь там, где вселенная имеет такой же физический характер, как и в ее извест-

ной нам части, хотя, чем отличается этот возможный мир другой физики, мы не знаем. Некоторые особенности звездного мира наводят науку на предположения, что в ядрах галактик возможны гигантские сгустки масс, порядка 10^{10} солнечной, при которых плотность вещества и сила тяготения возрастают в миллиарды раз, и не исключено, что в таких условиях действие ньютонова закона гравитации меняется, что и допускают астрофизики (у нас, например, В.А. Амбарцумян и В.В. Казютинский).

Хотя в любой бесконечности, всюду, где обстоятельства складываются в те же условия, их поведение следует тем же законам. Всеобщность законов диалектически едина с их ограниченностью.

Сверхъестественное – то, что противоречит самой сущности закона как такового – непременной ОДНОРОДНОСТИ действия ОДНОРОДНЫХ вещей в ОДНОРОДНЫХ условиях, то есть оно есть нечто капризное, может быть, повторяющееся, но не постоянственное, а, так сказать, «сверхзаконовое», и оттого непостижимое.

Чудом мистики называют событие сверхъестественное: противоречащее естественным постоянствам, которые действуют в его обстоятельствах. Например, описанное в Библии знаменное хождение Христа по волнам, воскрешение Лазаря, или не менее знаменитое чудо, совершенное его мамой – девой Марией. Или поведенное Кораном великое чудо пророка Магомета, снявшего с неба луну и продевшего ее через рукава своего халата. Что тут скажешь? Ведь власть бога "над природой беспредельна и даже самые чудеса не дают полного представления о ее беспредельности, так как она превышает меру всякого человеческого понимания", – просвещает нас один из столпов современного православного богословия. (*Сибирев Г.*, с.23)

Не надо путать постоянство и повторяемость. Закон не имеет повторяемости или регулярности, если нет повторяемости или регулярности условий. А мистика основана на вере в повторяемость чуда – в зависимости от силы веры, чистоты

помысла и т.д.: иначе бы молитвы были бессмысленны. Но не в постоянство: если б за каждой сильной и чистой молитвой следовало ее исполнение – чудо, то чудо стало бы законом, чуда бы не стало.

Одни мистики видят в чуде нарушение природных постоянств (например, известный в свое время профессор Петроградского университета неокантианец А.И.Введенский (с.9), другие не нарушение, а только их преодоление или приостановку (*Brugger W. Ibid.*) чрезвычайным вмешательством чего-то сверхъестественного. Как формулирует одобренный Московской Патриархией учебник по основному богословию, чудо – “чрезвычайное воздействие Божие на человека или природу, которое выходит, как правило, за границы естественных закономерностей”. (*Осипов А.И.*, 2002, с.248).

Как закон тяготения не нарушается оттого, что мы подняли камень, – иллюстрируют мистики свою мысль, – так и поднятие Христа над волнами может быть не отменой закона, а преодолением его. Другой столп православной апологетики П. Я. Светлов сравнивает чудо с вмешательством механика в обычный ход часов (с.3).

Понятно, с мистических позиций само различие чуда и закона относительно и существует лишь для нас, но не для верховного вседержителя, потому что, по мистическим представлениям, и естественные законы миру дал его творец: “естественное и сверхъестественное различаются лишь в нашем ограниченном сознании”. (*Лейбниц Г*, т.1, с.497, *Сибирев Г.*, с.17, 23-24; *Августин Аккерманский*, с.84.).

Во времена Гоббса и Локка естественные законы даже называли не иначе как божественными законами. Вероятно, отсюда идет во многих языках и само использование юридического названия правительственного приказа, межклассового или международного соглашения, касательно повторяющихся действий людей (с целью установить в них единообразие) для обозначения объективных, то есть уже независимых от наших знаний и желаний единообразий в мире природы и общества: их тоже считали велениями, только от бога.

Для нас эта двусмысленность слова "закон" – только древняя метафора. Однако она нередко сбивает с толку начинающих, особенно когда речь идет об естественных общественных законах: их путают с юридическими законами – с правом, воображая, что их так же можно изменять и нарушать, как государственные распоряжения.

Но как там с различием чуда и закона для бога – не имеет значения, потому что даже по мистическим понятиям оно никому не может быть известно. Как ни представляй чудо: нарушением ли естественных порядков или преодолением их – одно не меняется: за чудом мистики полагают сверхъестественную ≡ сверхзаконовую причину – *противоположное естественным постоянствам*.

1.3. Чудо или диво.

Говорить о чуде – самонадеянность: чудом называют явление, стоящее ВНЕ ПРИРОДЫ, но разве мы знаем “всю” природу?

Нередко чудом называют необычайные явления – *дива*, вроде падения метеоритов, появления комет, солнечных мечей и других диковинок. Так, античные народы величали "семью чудесами света" грандиозные египетские пирамиды, храм Артемиды в Эфесе, парящий на 127 мраморных колоннах, сверкающую бронзовую статую бога солнца Гелиоса, ростом приблизительно с 12-этажный дом (36 метров), еще более громадный 120-метровый античный небоскреб – александрийский маяк и пр. В наши дни чудом называют исполинскую бетонную плотину Братской гидроэлектростанции или полеты человека в космос, от которых у нынешних землян при первых известиях дух захватывало, словно от ожившей фантастики. Старожилы помнят, как в свое время люди немели и ахали от восторга перед чудом – паровозом, затем – самолетом, радио. Со временем диво становится обыкновенностью – уже не удивляет.

Диво – это, говоря в первом приближении, все для кого-то необычайное и необъяснимое, что вызывает удивление. Но в нем нет ничего сверхъестественного. Чудом его именуют в пе-

реносном смысле, для сравнения, чтобы показать свое изумление. Однако мистик диво считает чудом. Мистики принимали, а многие и поныне принимают за чудо, например, пробуждение, кажется, умершего человека от летаргического сна. Американские туземцы при первых встречах с конкистадорами теряли разум в суеверном ужасе от несущихся на них всадников, ружейного грома и собак.

Мертвым смехом смеется ослепительная пустыня над своими пленниками. Песок с шелестом пересыпается под дыханием душного ветра. В песке вязнут ноги. Солнце расплылось в раскаленном белом небе, словно ржавое пятно, и жжет, колет, как тысячи иголок. На губах и лице трескается кожа, и при каждом вздохе обжигает грудь. В голове шумит, от усталости люди почти падают, и их окружает дремотное безразличие гибели. И вдруг впереди засверкала вода. Глубокая и прозрачная, она танцует и мерцает, в ней качаясь, ломаются отражения зеленого берега, от нее веет прохладой и тенью. Кольшутся в воздухе темные листья пальм, видны белые постройки, вон идет женщина в белой одежде... Но напрасно устремляются измученные путники к оазису. Пышный, и казалось, совсем близкий, он отступает все дальше и дальше, завлекая людей в сторону от тропы, – и вдруг исчезает..., оставляя их среди бесконечных барханов – медленно гибнуть и метаться в отчаянии в поисках потерянного пути. Это был мираж. Лучи, поднявшиеся от далекого оазиса, преломились, как в линзе, в неоднородности теплых и холодных слоев атмосферы, особенно резкой над пустынями, – и через десятки или сотни километров вернулись с небесных высот к земле.

Миражи оазисов суеверные бедуины относили к шуткам коварной феи пустынь Фата-морганы. Подобные же видения парящих над морской равниной кораблей, внезапно возникающих и исчезающих вдаль, породили у старинных моряков знаменитую легенду о воздушной корабле "летучего голландца".

Еще в начале 20-го века некоторые философы допускали сверхъестественное в тайнах гипноза и сомнамбулизма. Понятно, экзотические явления, подобные, миражам, гипнозу или

полярным сияниям, давно в той или иной степени исследованы, и, если не вполне объяснены, то, во всяком случае, подробно описаны, и в наш просвещенный век все меньше людей, которые бы не знали о них и удивлялись им. Поэтому и современные мистики, если они достаточно учились, тоже не видят в них чуда.

Одни дива приобиднели, зато открылись новые дива. Сегодня удивляются какому-нибудь смещению линий к красному краю в спектре далеких звезд, слабому фотонному фону в космосе, античастицам, кваркам, или недавно открытым астрономами необычайно мощным звездам, – "квазарам" со светимостью большей, чем у целых галактик с их миллиардами солнц. Или "неопознанным" летающим и ныряющим тарелкам (НЛО) – явлениям, со свойствами, не укладывающимися в ныне известные физике законы.

Есть и дива, так сказать, философские – теоретические спорности и трудности, такие, как доказательство существования внешнего мира – для Б. Рассела (1957, с.204) и для А. Эйнштейна (т.4, с.136) или "принцип неопределенности" в квантовой механике: определение микрообъекта одной характеристикой делает невозможным другую (2.3.), – для В. Гейзенберга – "непостижимая тайна в самом центре Вселенной" ("Вопросы философии", 1999, № 2, с.115).

Но, как и в прежних загадках физики, астрономии, психологии и т.п., мистики подозревают в этих новых дивах сверхъестественное. Обычно это не выискивания и спекуляции богословов, для этого недостаточно сведущих в науках, а гадания самих ученых, – тех из них, которые в глубине души являются мистиками и теряются перед встающими проблемами. Сегодня бога ищут в "антиматерии" (веществе, состоящем из противоположно заряженных "античастиц"), фотонах, кварках, микромире, мегамире, представляя бога растворенным где-то в галактических глубинах и т.д. Известный бельгийский астроном Ж.Леметр, он же католический аббат и президент Ватиканской академии наук, предложил объяснять странный спектр звезд разлетанием всех их из какого-то одного центра вселенной,

где, по его подозрениям, и произошло творение мира – Большой взрыв “первобытного атома” (8.4.). В порядке вещей, что римский папа в 1951 году с готовностью одобрил гипотезу Леметра, так же как и православное богословие (см. *Кузнецов С.Г.*, с.189)

Переменились только дива, но не манера мистиков подозревать в них чудо. Они всегда предполагали возможность сверхъестественных причин там, где еще не обнаружены естественные.

По-видимому, именно дива и явились прообразом идеи чуда. Чудо – лишь абсолютизация дива: диво для кого-то необычайно и необъяснимо, а чудо мистики полагают абсолютно (для всех и навсегда) необычайным – что и означает сверхъестественность, – а потому абсолютно необъяснимым.

Однако отсюда следует “относительность” сверхъестественного – зависимость признания чего-то чудом “от точки зрения” (*Флоренский П. А.*, т.1, с.146), а это делает критерий чуда субъективным и лишает доказательности.

Неизвестность естественных причин – не доказательство сверхъестественной причины. У дива неизвестны естественные причины, но так же нет и никаких показателей чего-нибудь сверхъестественного. Мир – как гурия: без конца загаживается от людей загадками. Но разгадывая их, люди ни в одном случае не нашли за ними сверхъестественного, – основание для заключения (“экстраполяции”), что и в будущем не найдут.

Вот уже много столетий и до наших дней в Неаполе, в соборе святого Януария – покровителя города, происходит чудо: собранная в две ампулы застывшая кровь мученика, казненного, по преданию, в 305 году, по определенным числам три раза в год, в мае, сентябре и декабре, приобретает текучесть. С середины 17 века ведется “дневник собора и сокровищницы”, в котором каждые раз подробно регистрируются эти чудеса. По сей день в их торжествах участвует цвет неаполитанской знати и священников, возглавляемых самим кардиналом. В великолепном соборе с утра давятся толпы молящихся и любопытных. Когда, наконец, ампулы достанут из тайника и один из

аристократов взмахнет белым кружевным платком в знак того, что чудо свершилось, – толпа ревет, кричит и смеется, вверху гулко ударяют соборные колокола, их трезвон подхватывают все церкви города и архиепископства, и минут 15 гудят все заводы и суда в порту. Вечером город – подъезды и окна – светятся цветными лампочками иллюминации, а улицы зевают на торжественное шествие, возглавляемое графами, князьями, сенаторами, капиталистами, генералами, под пение церковного гимна и ослепительную метель фейерверка. (См. *Стендаль*, с.70- ; *Брез Т.*)

Чем вызываются эти метаморфоза святой крови, можно только догадываться, говоря высоким стилем, строить гипотезы – что значит, что это явление пока не подвластно человеческой практике: просто католическая церковь не допускает к ним исследователей, а ее печать уверяет, что в опытах, которые разные научные организации ставили с другой высохшей кровью (иногда к ней пробовали примешивать разные вещества и слегка нагревать, как это может быть в духоте собора) или с той же самой святой кровью, но в другие дни, ее не удавалось сделать текучей. Возможно, это – еще один поповский фокус, а, возможно, это диво и для самих попов. Не в этом дело, как бы там ни было, это периодическое таяние высохшей крови, конечно, не чудо. Прежде всего потому, что это диво вот уже многие сотни лет в определенных условиях автоматически повторяется – за отдельными исключениями, оно не может не явиться, как образцовый чиновник на службу. Но, как мы выяснили (1.2), обязательное явление – не чудо, а закон, пусть не объясненный.

По разным церквям, в границах бывшего Неаполитанского королевства, подобное разжижение происходит с кровью и других святых: Иоанна Крестителя, Стефана, Патриции, Людвига Гонзака и других, Только праздники этих чудес почему-то не обставляются таким шумом, видимо, потоку, что церковные власти хотят скрыть от грешного мира самое большое чудо в этих чудесах: как кровь стольких почтенных святых из-

брала местом своих волшебных превращений именно этот уголок земли?

Все согласны, что закон – это неизменность изменения при определенных обстоятельствах, а чудо, если бы оно было, – это исключение из природных порядков, нарушитель вселенской дисциплины. Хотя мистики и "законы природы" считают "действиями бога", но, и по их представлению, законы бог "создает постоянно", а чудо – "однократно" (*А.Введенский, 1922, с.9; Brugger W., S. 393*).

Еще открытие чуда: нередко мистики всё вокруг объявляют чудом, в значении, испытывающем действие бога: каждую былинку и цветок, каждую каплю росы и звезду в небе. "Промысел божий простирается на все существующее". Поэтому "все чудесно".

Однако с какой стати? Оттого что назвать Тартюфа чудом, он чудом не будет.

Для обоснования начинается отыскивание во всем на свете еще нерешенных наукой загадок: Почему течет вода? Человек – прах, а мыслит? Откуда взялись звезды? – Куда ни глянь – всё чудо.

В этом случае чудом именуют тоже диво, точнее обыкновенное, но непонятное. Все, что ни есть, чудом может называться лишь метафорически, в том смысле, что все вокруг удивительно, потому что в каждом кусочке мира бездна тайн, а совсем не в том смысле, что все противоречит естественным законам.

1.4. Чудо и доказательство

Доказательство должно быть *демонстрационным*, то есть таким, чтобы его можно было испытать (1.1) и для этого по желанию повторить. В *воспроизводимости* или *сохраняемости* факта и заключается отличие опыта в науках естественных от "опыта" в "науках" сверхъестественных – таких, как магия или богословие.

Но ни у кого нет демонстрационных доказательств существования чудес. Отсутствие "физических экспериментов" в

доказательство чуда признает и теология (см. *Талызин В.И.*, с.35). Если бы они были, только сумасшедшие или упрямцы могли бы сомневаться в них.

Демонстрации чуда и **не может быть**, потому что чудом и называется-то как раз то, что не может быть подчинено людям. Если бы какое-нибудь чудо стало покорным человеку и потому доступным для демонстрации, оно перестало бы быть чудом.

За отсутствием демонстрации чудес предлагают мифы и т.п. рассказы о чудесах, в частности, – “*откровения*”, как канонизированные церковью – через пророков, апостолов (“общие” откровения), “святых”, так и отдельных людей (*Осипов А.И.*, с.241).

Но ни одному человеку в мире не известно ни одного достоверного свидетельства о чуде. И не только потому, что люди способны честно грезить и лукаво лгать – и рассказы про чудеса могут быть видениями и выдумками. И не только потому, что часто мистики принимали за чудо диво.

1.5. Заочный суд.

Чудеса упорно не показываются на глаза естествоиспытателям, а являются лишь тем, кто верит в них: жаждет их увидеть или заранее страшится. Но таким людям они могут и примерещиться, особенно со страху или от удивления.

К тому же, рассказывая о страшном или удивительном и желая произвести впечатление на окружающих, чтобы оправдать свой страх или удивление, даже правдивые люди, видя вокруг разинутые от изумления рты и готовность поддакивать, незаметно для себя, как говорится, сгущают: приплетают множество эффектных деталей: трогательных, пикантных, ужасных, героических, красивых, – расписывают и преувеличивают.

Таковы рассказы всех хвастунов на свете: от рассказов охотников, путешественников или повес об их невероятных приключениях до воспоминаний промотавшегося богача о своей былой роскоши, от блистания ученого малого своей по-

трясающей эрудицией и растабар Хлестаковых о тех высоких сферах, из которых они спустились к нынешней мелюзге до мемуаров какого-нибудь ветерана об умопомрачительных событиях, в которых он участвовал.

Так изменяет действительное происшествие и тем более свою галлюцинацию очевидец.

А при передаче из уст в уста каждый пересказчик еще исправит, прибавит или убавит, пусть немного. Так в эстафете пересказа, устного или письменного, а нынче еще печатного и электронного, обыкновенный случай изменяется до неузнаваемости и превращается в чудо. Так бессознательно складывается *миф* – коллективная пересказочная фантазия какого-то удивительного события, которого никто в описанном виде не видел, но получил внушенную уверенность, что его видело множество очевидцев, и убежденность в ее истинности.

Таким образом, миф – сочинение обычно не одной какой-то головы, а множества, и не какое-то намеренное (хотя иногда и намеренность не исключена), и, тем не менее, сочинение в соответствии с желанием мифотворящего сообщества – из бессознательных дорисовок и допониманий.

Миф – это пересказочная фантазия события сверхъестественного. *Легенда* – пересказочная фантазия события естественного, – как народные легенды о том же Разине или Пушкине. Хотя часто граница между мифом и легендой стирается, как в былинах об Илье Муромце.

Тем не менее, миф – интерпретация серьезная, которой верят и жертвуют собой и другими, но, умирая, он превращается в сказку, изначально встречаемую неверием и насмешкой.

Впрочем, сегодня силой пропаганды творятся такие фантазии якобы естественных событий, которые не отличаются от сверхъестественных, – так что в них многие не верят и тоже именуют мифами, отличая эпитетом *социальные*, – о явлениях политических, экономических, культурных и т.п. Таков, к примеру, миф о бревне, которое Ленин переносил на одном из субботников. Воспоминаний участников субботника, которые лично помогали вождю нести это бревно, зарегистрировано

больше тысячи. Или фантастические мифы Бермудского треугольника, где на самом деле просто встречаются тёплые и холодные ветры и течения и оттого часты ураганы и вскипания с изогнутого океанского дна пузырьков оттаявшего метана, аномальные электризации и магнитные бури.

– Почему же вы верите рассказам о том, что, например, был Овидий или Степан Разин, а что был Христос-чудотворец, не верите? – возражает мистик. – Ведь Овидия или Разина вы тоже не видели и не можете увидеть. Разве не так же сомневается наука в “существовании многих исторических личностей, например, Гомера или Сократа”? (Б.С.Б., с.15).

В самом деле, почему?

О возможности в прошлом или далеком того, что мы сами не видели, мы судим по настоящему: что противоречит *законам* (не фактам, которые здесь могут отсутствовать, а законам), утверждаемым нашим сегодняшним опытом, то мы отвергаем, говорим: это невозможно. Именно по этому принципу мы проверяем свидетельства исторических хроник. Мы не верим ни одному фантастическому свидетельству Геродота, хотя и не жили в его время. Конечно, и здесь возможны ошибки. Когда наука считала гипноз шарлатанством, мы не верили ни единому историческому свидетельству о нем. Знание прошлого определяется знанием настоящего.

У Льва Толстого деревенские мужики подняли на смех солдата, сказавшего, что на Казбеке снег и летом не тает. Почему же не поверили? Потому что наблюдали одну закономерность: у них в лесостепи снег на буграх тает, прежде чем в лощинах. А тут не бугор, а целая гора. Об атмосфере и космическом холоде они, понятно, не могли знать. Знание далёкого определяется знанием доступного.

Люди, не видавшие никогда чуда Гималаев: горы, вырезанные из алого, синего, желтого, фиолетового и сотен других светов, – на выставках Рериха решительно заявляют: Рерих – чепуха! Так не бывает”. Если не только не бывали в Гималаях, то еще и плохо знают возможности воздушной оптики.

Во многом прошлое – только гипотезы, как и будущее.

Поэтому даже и возможное – “достоверное” – мы принимаем за быль, только когда располагаем согласными показаниями многих свидетелей или их записей и вещественными доказательствами. О прошлом судим по его *следам* в настоящем – фактам. Ведь прошлое переходит в настоящее не только музейными археологическими черепками или скелетами динозавров. Все геологические отложения и все видимое нами небо давно сместившихся или угасших звезд – вся структура существующего есть следствие минувшего. Хотя, конечно, ни личный мир, ни наши воспоминания, фотографии и т. п. не есть сами те прошлые вещи, но знание *законов превращений* позволяет по настоящим следствиям судить о прошлых причинах. Так, физика изучает закономерности движения и изменения микрочастиц, для непосредственного восприятия чрезмерно малых и быстрых, буквально по их следам.

Но даже и возможное – соответствующее естественным законам, и подтвержденное свидетелями и вещами мы, тем не менее, не принимаем, если показания очевидцев подменяются пересказами с чужих слов, и подвергаем сомнению, когда видим *пристрастность* свидетелей – их “заинтересованность”: выгоду им обмана (корысть), или возможность самообмана, или коллективного мифотворчества

Уличительные доказательства – *улики*, принимаются лишь тогда, когда доказана исключенность всякого иного их происхождения, кроме как от доказываемого события.

Так критичен заочный суд и следователей, и судей, и историков, и исследователей микрочастиц, и ревизоров, и всех опытных людей. Если они не хотят быть обманутыми. В отличие от детской доверчивости.

Что Овидий и Степан Разин были на самом деле, об этом мы имеем письменные доказательства и документы их современников и многие вещественные памятники.

А согласны ли рассказы о Христе с *приметами* правды?

Вопрос об историческом существовании Христа решается учеными различно: одни допускают возможность подобной исторической личности, другие отрицают, но то или другое

решение принципиального значения для оценки христианства не имеет: и в том, и в другом случае *чудеса* Иисуса Христа невозможны по определению как противоречащие естественным законам.

Возможен лишь Христос-нечудотворец. Сын плотника, экзальтированный агитатор бедняков, гонимый и замученный властями. Таким его представляли популярные в 19 веке Д.Ф.Штраус и Ж.Ренан – одним из идеализированных самозванных пророков – мессий, которыми кишела в первые века несчастная Палестина.

Современный известный американский поборник гуманизма и демократии П.Куртц допускает возможность даже иллюзии его воскресения: если он болел плевритом, то распятый с поднятыми руками на кресте мог задохнуться и потерять сознание, а, когда стражники приняли его за умершего и для верности проткнули ему копьем грудь, то гнойная жидкость из лёгких вытекла (как бывает при медицинской пункции), дыхание вернулось, и после похорон он очнулся, выбрался из пещеры и, явившись к своим поклонникам, безумно удивил их (а, может быть, и себя?). Такое исключительное событие, конечно, не противоречило бы естественным законам.

Но и о Христе, даже нечудотворце, нет никаких ни вещественных доказательств, ни письменных упоминаний современников, а от Христа нет ни единого слова, написанного им самим. Евангелия же, очевидно, пристрастны, писать их начали много десятилетий спустя и потом несколько веков переделывали. Сами церкви, и православные, и католические, и протестантские, давно признают, что Священное писание произошло из устного предания. (См. “Журнал Московской патриархии”, 1961, № 10, с. 61-62).

Притом евангельские сведения о Христе настолько противоречивы, что отвергают друг друга.

Позволим себе повторить вкратце некоторое из этих показателей неисторичности Христа, в наше время общеизвестных.

По Библии восстановить историю Христа нельзя. В одних Евангелиях говорится об очень важных событиях, о которых

даже не упоминается в других. Больше того, Евангелия дают взаимоисключающие сведения о рождении, жизни и смерти Христа. Например, по Матвею родословная Христа насчитывает от царя Давида 28 поколений, а по Луке – 42 поколения. У Матфея рассказывается об избииении в Вифлееме 14 тысяч младенцев, учиненном по приказу Ирода, хотевшего убить новорожденного Иисуса. Родители с маленьким богом спасаются бегством в Египет, но в Евангелии от Луки никакого избииения младенцев не было, наоборот, на 40 день Христа приветствовали в иерусалимском храме – в честь этого события церковь установила праздник Сретения – встречи. Евангелисты плохо знали Палестину. По Матфею, в Вифлееме солдаты Ирода избииили 14 тысяч младенцев, а известно, что в этом городке всех жителей в те времена было не больше двух тысяч. Суд над Христом происходит на пасху, но в Иерусалиме в праздник было запрещено творить суд. И пр., и пр.

Расхождение в родословных Христа церковная апологетика пытается объяснить (см. *Гурьянов Н.*, 79-80) разными способами ее исчисления у древних евреев: по природе или по закону, когда место умершего бездетным иудея занимал его брат. Но множества остальных евангельских противоречий она и не пробует разрешить даже в сочинениях, специально посвященных историческим свидетельствам об Иисусе Христе. Их лишь оправдывают тем, что это воспоминания и воспоминания разных людей и что это только “ничтожные” (*Осипов. А.И.*, с.123) расхождения “в деталях”, обычные в свидетельских показаниях. “Буквальное совпадение показаний” наводило бы на подозрение о сговоре. (*Гурьянов Н.* с. 75-76). По более решительному заявлению, “противоречия в текстах евангелий, на которое так любят ссылаться антирелигиозники, не имеют сколько-нибудь существенного, и тем более решающего значения для христианской веры. В каждой науке есть свои нерешенные проблемы” (*Б.С.Б.*, с.19).

Ничего себе “мелочи” – о жизни и смерти многих тысяч людей. Евангельские противоречия – вовсе не детали, или “пятна на солнце”, которое все-таки “изливает потоки живи-

тельного тепла", они касаются очень важных событий. А поскольку речь идет об оценке евангелий в качестве доказательств историчности Христа, то такие противоречия в них означают не какие-то "неразрешенные проблемы любой науки", а просто несостоятельность доказательства.

И не только жизнь Иисуса, даже суть его учения не может быть установлена из одних евангелий, насколько они противоречат одно другому, и даже самим себе. Вот наиболее известное несогласия.

Проповедуя непротивление злу, евангельский Христос сам злобится на фарисеев лишь за нестрогое соблюдение традиций и проклинает селения, которые не хотели признать его богом. По *Матфею*, Христос благовестит: "Блаженны миротворны, ибо они будут наречены сынами божьими". (5,9), а в другом месте: "Не мир пришел я принести, но меч". (10,34). "Царство небесное силою борется, и употребляющие усилия восхищают его". (11,12). И по *Луке*: "Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мной". (19, 27). В одном месте: "Не противься злу". (*Матфей*, 5,30), а рядом: "Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь". (*Матфей*, 7,19).

В одном месте: "Никто не может служить двум господам". "Не можете служить богу и мамоне". (*Матфей*, 6,24), а в другом: "Отдайте кесарево кесарю, а божие богу". (*Матфей*, 22,21).

В одном: "Не судите, да не судимы будете". (*Матфей*, 7, 1), а в другом: "Сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен израилевых". (*Матфей*, 19, 28). И все это в одном и том же евангелии.

По *Марку*, Христос благовестит: "И во всех народах прежде должно быть проповедано евангелие". (43,10), а по *Матфею*: "На путь к язычникам не ходите и в город самарянский не входите". (10,5)

По *Марку*: "Почитай отца своего и мать свою". (7, 10), а по *Луке*: "Если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а при-

том и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником” (14, 26).

Чему же учил Христос: миру или войне? непротивлению злу или борьбе со злом? Служить богатству и государству или отрицать богатство и государство? Судить людей или не судить? Проповедовать или молчать? Почитать своего отца и мать или ненавидеть?

Боговдохновенное Священное писание, созданное пророками и апостолами по “озарению от святого духа”, так противоречиво, что в нем находили себе оправдание и тот, кто бьет, и тот, кто терпит битье, – самые противоположные учения: и инквизиторы, сжигавшие еретиков, и еретики, горевшие на костре, и священники, благословляющие войну, и баптисты, отказывающиеся служить в армии.

Христиане сами хорошо знают об этих противоречиях евангелий и еще со времен Абельяра прибегают к их инотолкованию, но тем самым они признают, что даже для них евангелия сами по себе не могут быть доказательством.

В других частях Нового завета об Иисусе Христе сказано еще неяснее, чем в евангелиях, да и мало. “Апокалипсис” (“Откровение Иоанна Богослова”) ни разу даже не упоминает Иисуса Христа и евангелий. Одни фантазмагии о близкой гибели грешного мира, о страшном суде и чудесном возникновении на обновленной земле нового прекрасного Иерусалима. С Христом в нем стали отождествлять агнца, будто бы закланного при сотворении мира. У этого ягненка семь звезд “в руке”, “семь рогов и семь очей”, а из уст торчит меч.

Что новозаветные евангелия и послания – позднейшие выдумки, говорит и то, что, кроме них, признанных церковью, в первые века христианства существовало еще несколько десятков других, непризнанных церковью (апокрифических) христианских сочинений, но и они столь же противоречивы и сказочны.

Писатели же начала 1 века, когда по евангелиям творил свои чудеса Христос, ни один из тогдашних писателей об Иисусе Христе даже не упоминает.

По евангелиям спаситель творил чудеса, которые видели по 5-6 тысяч народу, "но самое большое чудо в том, что никто из современников не заметил такого великого чудотворца". Евангелисты говорят, что когда Христа распяли, наступило трехчасовое (!) солнечное затмение (*Лука, 23, 44-45*). Но оно не отмечено ни в одной книге того времени. Еврейский полководец Иосиф Флавий (37- 95 годы) написал подробную "Историю Иудеи". Христианские богословы были так обеспокоены тем, что Флавий молчит о Христе, что пошли на подлог – вписали туда несколько строк о Христе. Но сделали это так неумело, что подлог сразу виден: поклоннику Моисея они вложили в уста похвалу Христу и вставили это в такое место, что нарушили весь смысл речи. Кроме того, христианский богослов 3 века Ориген осуждает Флавия именно за то, что тот ни разу не упоминает Христа. Следовательно, в 3 веке этой вставки еще не было. Константинопольский патриарх 4 века Фотий поражался тому, что о Христе молчит и другой еврейский историк 1 века Юст Тивериадский, произведения которого до нас не сохранились. Ни слова о Христе нет и у римского писателя 1 века Плиния Старшего, который описывал иудейских сектантов. Эти историки писали о разных палестинских мелочах, о бунтовщике Гевре и т.п. и ни слова о Христе.

Свидетельство же Тацита и Плиния Младшего, если даже оно не вставка поздних христиан, дано не современниками, а во 2 веке, через 80 лет после евангельских событий – по слухам, когда христианские секты довольно распространились по империи.

Вот из чего видно, что о жизни Христа нет никаких достоверных исторических доказательств.

1.6. Вера и сомнение обобщений.

Не находя практических доказательств сверхъестественному, богословие подвергает сомнению сам принцип науки судить о далеком, прошлом и будущем по практике настоящего, – принцип закона – *обобщение* об ОДНОРОДНОСТИ действия всех ОДНОРОДНЫХ вещей.

Исходя из того, что далекое, прошлое и будущее недоступны практике настоящего, заимствуя у Канта идею о не надежной несомненности, а всего лишь вероятности всякого индуктивного заключения – “от частей к целому”: простое накопление опыта – индукция – не доказывает всеобщности законов (*Vries I. de*, S.110; *Karisch R.*, S. 35-39, 48-49) – богословие объявляет суд о далеком, прошлом и будущем по практике настоящего не более, чем бездоказательной верой: "Вера в принцип единообразия или принцип закономерности природы, которая состоит в том, что законы природы действуют всегда и везде одинаково..., что прошедшее и будущее похожи на настоящее, недоказуема. В самом деле, в прошлом у нас очень ограниченный опыт, а будущего мы совсем не знаем. Точно также и в пространственном отношении наш опыт очень ограничен. Поэтому принцип закономерности природы, на котором построена вся наука (естествознание), является априорной предпосылкой, основанном на вере". (*Б.С.Б.*, с.349-350; то же *А.И.Осипов*, с.155-157, 192.).

Что ж, вера – не монополия мистики.

Вера – всего лишь наше отношение к чему-либо, и эмоциональное, и практическое, а именно, вера – это *восприятие истинности идей*, – того, что составляет их практический смысл, без чего они бессмысленны, кроме предположений, про которое пока не известно, истинны они или ложны.

Психологически вера – особое состояние сознания, predisposing к такой эмоциональной и практической реакции на идею, которая согласна с ее содержанием, обиходно говоря, вера – готовность следовать идее на практике. Как сомнение – опасение последовать идее. Верить мысли – значит просто воспринимать ее как образ действительно (и, стало быть, практически) существующего и потому радоваться или огорчаться, успокаиваться или пугаться и переходить к вытекающему из нее действию или бездействию, если она имеет к нам практическое отношение. Верить, что вы можете опоздать на поезд, – значит просто торопиться. Верить, что вы *уже* опоздали, – значит остаться на месте. Верить, что между каки-

ми-то городами ходит поезд, – значит, оказавшись там, при надобности воспользоваться им.

Вот почему без веры невозможно ни познание, ни практика. Не веря мысли, нельзя ей следовать. Без веры людям невозможна и общественная жизнь. Вера – то, что связывает познание и практику. Но сама вера вызывается познанием и практикой. Даже вера на слово без доказательств, свойственная доверчивым наивным людям, – так называемая "слепая вера" вызывается практикой, а именно ограниченностью ее, прежде всего недостатком общественного опыта разочарований и обманов. Но в пределах своего ограниченного опыта даже слепая вера принимается обоснованной. Вера вовсе не противоположна доказательству, а, напротив, требует доказательств логических, уличительных, а в основе – практических.

В всех обобщениях есть вера. Обобщение состоит в распространении обнаруженных в практике настоящего единообразий на *однородные* вещи далекого, прошлого и будущего, иначе говоря, обобщение состоит в вере в то, что и в далеком, прошлом и будущем однородное будет действовать однородно – так же, как в настоящем. Соответственно сущность гипотезы по аналогии – в распространении обнаруженных единообразий уже на *подобные* вещи.

И, разумеется, вера обобщений выводит нас за границы приведшей к ним практики; обобщение – выход из опыта в неиспытанное (“*экстраполяция*”) и, если мир бесконечно разнообразен, то заопытность обобщений создает возможность и даже неизбежность в них *ошибок* – обнаружений существенных отличий в вещах, принимаемых пока за однородные. Наука считала атомы неделимыми, и это было экспериментально обосновано, пока не столкнулась с радием и ураном. Звезды казались вечными, пока не обнаружились вспышки новых звезд. Даже обыкновенная вода преподносит сюрпризы: опыт приучил нас, что она замерзает в земных условиях при нуле градусов Цельсия; но вот оказывается, что вода, полученная конденсацией пара в микронных и миллимикронных кварцевых

капиллярах, остается жидкой даже при -40°C . Подобные примеры неисчислимы.

Вся история науки есть история ограничения и дополнения обобщений. Поскольку они распространяются на бесконечность лишь того же рода вещей, в обобщении бесконечность едина с ограниченностью (1.2)..

Но ведь мы и не полагаем обобщения окончательными и всё объявляющими истинами. Напротив: расширяя знание за границы опыта, мы заранее допускаем возможность в обобщении неизвестных нам упущений и, стало быть, совершенно свободны от слепой веры обобщениям. Заблуждение – такой же непременный элемент познания, как и истина. *Заблуждение* – это истина, которая перестала соответствовать изменившимся обстоятельствам, чего мы еще не заметили.

Как рефлексы – врожденные или приобретенные реакции живого существа – его приспособление к окружению – при изменении этого окружения из полезных становятся губительными. Мышление – развитие животной психики, и оно сохраняет этот основной закон ее отношения с действительностью. Заблуждения возникают из истин, только поэтому они и могут нас обманывать.

Истина и заблуждение имеют один источник – действительность, лишь она их и разделяет. Встреча с непонятым и обнаружение ошибки в канонах оборачивается для познания открытием. Сознание, что физические границы обобщения – круг следующих ему явлений может указать только эксперимент, означает сознание качественной бесконечности – неисчерпаемости мира и, стало быть, того, что его законы не сводимы к известным.

Базис эксперимента – не только определенный уровень наших технических возможностей и знаний об исследуемом объекте, но еще открытие в нем непонятого – *проблемы* – и догадка или гипотеза об этом непонятом, то есть переход к *теории*.

Таким образом, выход за опыт есть начало и следствие опыта.

Как известно, подлинные научные таланты как раз и отличаются бездогматичность мысли, беспокойное сомнение даже в аксиомах и даже в своем сомнении. Ньютон в подлинниках вовсе не так категоричен, как его ученики, которые в увлечении успехами теории, придали ей догматический характер. Как пошутил однажды Эйнштейн, открытия делают невежды, которые не знают о всем известной невозможности того, что они открыли.

И из всех философий материалистическая диалектика – лучшее выражение этой творческой смелости науки: исходя из ограниченности и относительности наших знаний, на место вечных неизменных истин она ставит *процесс* познания – бесконечное уточнение и углубление знания.

И, тем не менее, это не отменяет абсолютной истины.

1.7. Относительная абсолютность истины.

Неверна абсолютизация знание – воображение его безотносительно всеобщим, исчерпывающим и потому на веки неизменным, окончательным. Это *догматизм*. *Всеведение* – только идеал, к которому люди приближаются, но никогда не достигают. Но неверна и другая крайность, выводимая из отрицания догматизма, – абсолютизация относительности знания – *релятивизм*, обесмысливающий науку своим упущением из виду объективности (независимости от нашего произвола) истинности.

Урок человеческих блужданий в другом. Знание нужно рассматривать не само по себе, а в отнесённости к его объекту. Выходя за пределы вызвавшей их практики, обобщения, однако, основаны на этой практике, оттого эта отнесенность истины делает ее *абсолютной*, точнее, образует противоединство относительности и абсолютности. Истина относительна, то есть существует только относительно определенных ее практикой обстоятельств, так сказать, *обусловна*, *уместна*, а за границами своих условий становится ложной, но в своей относительности истина абсолютна – окончатель-

на, непроверяема и всеобща. Вечная истина о невечных обстоятельствах.

Вот почему абсолютно истинно все необъятное море констатации фактов, вроде знаменитой тривиальности: “Волга впадает в Каспийское море”. Поскольку факты отнесены к определенному пространству и времени.

Наоборот, абстракции, отвлеченные от отношения к своим конкретным условиям, (например, “кентавр вообще” – во всей бесконечности вселенной), оказываются недоступны проверке, – ни опровержению, ни доказательству. В самом деле, как обследовать *всю* вселенную, если она бесконечна?

Вот почему, как это ни кажется парадоксальным, абсолютно “непроверяемое” (в смысле – недоступное опровержению) недоступно также и доказательству, а потому находится вне науки. Четкая однозначная определенность смысла и условий суждения и благодаря этому его доступность опровержению – *опровержимость* (“фальсифицируемость”) (1.1), но, разумеется, не опровергнутость, а доказанность, – короче, не опровергнутое доказательство является признанным условием научности суждения.

Но с переменной условий именно обусловность истины ведет к ее превращению в ложь и – далее – к развитию истины, делает ее процессуальной и историчной. Поэтому абсолютно ложных идей не бывает. Ложная идея просто является **превратной** истиной, не туда отнесенной.

Но границу будущих заопытных – иных условий – по их определению – невозможно знать заранее, до опыта ошибки. О границу закона мы спотыкаемся, лишь когда ее переступаем, угодив в иные условия.

Заопытность обобщений лишает их абсолютности, – именно тем, что не очерчивает их пространственные и временные границы; но *заопытность* **необходима**.

Чем? Устанавливая единообразия, относимые к однородным вещам и далекого, и прошлого, и будущего, только заопытность обобщения создает этим возможность **предвидения**, значит, и всей нашей практики.

С этой стороны вера в отдельный факт и вера в закон не различаются: обе означают ожидание определенного события в определенных обстоятельствах. Если бы знания лишь констатировали настоящее и недавнее, они бы были абсолютно истинны, но... и не нужны. ЭМПИРИЗМ годен лишь для услады праздных созерцателей, а практиков лишает знания. Именно предвидение единообразий, позволяя людям рассчитывать последствия природных и своих действий, и составляет практическую ценность знания, – дает разум их делам.

Притом выход из опыта в неиспытанную нами старину или будущность совершается не без оснований: и не только потому, что он начинается из опыта, – в самой природе таков же ход: различия времен не вечны: будущее становится нынешним, а нынешнее прошлым. И в этом ходе времен достижения труда и разума человека убеждают его, что обобщения ведут не только к ошибкам, но и к оправданиям.

Больше того, только потому, что обобщения состоят в установлении единообразий, относимых и к тому, что будет, они могут быть проверены практикой, которая ведь и существует лишь как становление.

Выход теории за пределы породившего её опыта – способность предсказывать будущий опыт – и служит её **доказательством**.

Без заопытности обобщений нет их проверки опытом.

Такова диалектика обобщения – противоречивое, но нераздельное единство в нем доказанности и предположения.

1.8. Фантазия и истина науки

Однако факты и их условия чрезвычайно разнообразны, так что их обобщение требует их сложного сравнения и переходит в **теорию** – силлогическую систему идей.

Поэтому истина существует не только относительно своих объективных условий. С другой стороны, истина существует в **теории**, которая четко оговаривает ее смысл, отношение к другим понятиям и к условиям. В результате в понятийной системе идеи и факты обретают *целостность*, то есть суще-

ствуют только в теории, а вне ее лишаются своего смысла и обретают превратный смысл.

Истина в знании *практических фактов* – отдельных событий и не зависимых от нас устойчивых связей между ними – законов, убедились мы (1.6.-1.7.), устанавливается непосредственно нашим взаимодействием с этими объектами и является *относительно абсолютной*.

Но вот построение теорий идет несколько иначе.

Хотя научная теория строится на основе твердо установленных фактов, тем не менее, теории всегда являют в той или иной мере *фантазии* о том, что непосредственно не наблюдаемо: о всяких там эфирах, притяжениях, отталкиваниях и других силовых полях, электромагнитных волнах, атомах и прочих микрочастицах, о перемещениях атомов и электронов внутри молекул в химических реакциях и в живых клетках, о генах, о доисторических видах живого, о психических явлениях внутри чужой и, увы, непрозрачной головы, о внутризвездных процессах и т.д.

Эта *фантазийность* теоретических понятий заключается в соединении в них *подобия* объекту и *отличия* от него.

С одной стороны, в каждом научном понятии всегда оказываются добавления – *домыслы* того, чего в объекте нет, а с другой стороны, – упущения – *упрощения*, – говорят, понятие “*идеализировано*”. Так, нигде в мире не существует “точка” – объект, как ее определяет математика, – без длины, толщины и высоты. Или “тело”, как его мыслит механика, – лишенное материала, цвета и химических свойств. Или абсолютно “равномерное прямолинейное движение”. Или языковые единицы речи – фонемы, не меняющейся от интонации, соседства и тембра голоса. Или “организация”, как ее мыслят в социологии, – свободная от человеческих причуд.

А история науки показывает кому удручающее, кому радостное обстоятельство – с развитием нашей практики теории упираются в контрфакты и противоречия, переживают пугающие катаклизмы и трансформации, а в итоге сменяются новыми, и тут обнаруживается, что благодаря фантазийно-

сти на основе одних и тех же фактов и в согласии с ними возможно построение многих различных теорий. Например, корпускулярной теории света Ньютона, волновой теории света Гюйгенса и корпускулярно-волновой в квантовой механике.

Открытие в теориях фантазий и вариантов встревожило поклонников строгости науки и с тех пор питает их настроженный скептицизм к теориям и радостное торжество мистиков. По-релятивистски ссылаясь на превосходение наукой своих собственных положений, они объявляют разум несовершенным и ограниченным, а мистические откровения равными или даже выше науки: вот видите, – радуются они, – научные теории скрывают в себе фантазии и заблуждения, стало быть, недостоверны, дают не то, что есть в мире на самом деле, а только представления ученых, в лучшем случае – временные гипотезы, а что именно в них истинно, что ошибочно, наперед неизвестно. Надежного критерия истины у науки нет, – уверяют нас. (См. *Whitehead A.N.*, 1994, p.223-225; *А.И. Осипов*, с.155-159). И призывают, как диакон А. Кураев, учить школьников “гносеологии недоверия к науке” – всего-то, де, лишь гипотезе, – [ради доверия религии.]

Как же быть? Не лучше ли вовсе отказаться от всяких теорий? Ограничиться констатацией исключительно “позитивных” фактов? Именно такой проект укрепления строгости познания стал вдохновением позитивистов (См. сноска²).

На это рассчитывал уже Ньютон. “Гипотез я не сочиняю”, – гордо заявлял гений, насочинив в своей механике кучу всяких масс, сил притяжения, инерции, ускорений и множество других сущностей, ненаблюдаемости которых он не замечал, принимая свои умозрительные конструкции за наблюдаемые факты.

Массой он называл проявляющееся в весе и в инерции “количество” (букв. по-лат.) в теле материи, подразумевая количество “атомов”, но за их невидимостью благоразумно умалчивая чего именно.

Скорость – отношение длины пути ко времени движения, очевидно, – тоже непосредственно ненаблюдаема, а понятие о ней сложилось у людей еще до Галилея и Ньютона из сравне-

ния движения разных объектов: которое быстрее, которое медленнее.

Еще сложнее явление *ускорения*. Понятие о нем Ньютон построил умозрительно из сравнения скорости того же объекта в начале и в конце пути $a = \frac{v - v_0}{\Delta t}$, а поскольку ее изменение

происходит незаметно для глаз, то положил его происходящим *чрезмерно* (“бесконечно”) малыми (для глаз) приращениями или убываниями (*дифференциалами*, на его языке “флюксиями”). А для этого построил целую новую математику их исчисления, где одни из этих “бесконечностей” сохраняются и складываются, а другие сокращаются, – из-за своей разной степени величины – “порядка малости”, – за что Дж. Беркли возмущенно ругал их “теньями усопших величин” и посоветовал физикам больше не упрекать богословов (Беркли был священником) за подсчеты того, сколько бесов умещается на кончике булавки.

Так, чем же является эта не наблюдаемая, а умозрительная конструкция ускорения? Фантазийным понятием или фактом? В современной науке оно используется как умозрительно открываемый факт. Факт, который тысячи лет всегда был у всех людей перед глазами, но никем не замечался, – потому что ее не видят, а выявляют анализом.

А что такое *притяжение*? Оно тем более не наблюдаемо, а только предполагается по своему проявлению как раз в этом умозрительно измеряемом ускорении тела. Эта ненаблюдаемость и позволила Эйнштейну заменить эту силу другой конструкцией – “искривлением пространства-времени”, тоже невидимым, как до Ньютона в объяснении движения пользовались аристотелевским понятием “стремления тел к своему естественному месту”

Казалось бы, лучше всего убрать из теорий всякие фантазии? Но можно ли сформулировать ньютонову механику без понятий о ее ненаблюдаемых сущностях? Оказывается, без умозрений невозможно ни построение теории, ни объяснение фактов, ни – самое досадное – даже само установление фактов.

Как констатировать факты той или иной величины ускорения тела $a = 5 \text{ м/с}^2$ или $a = 9,8 \text{ м/с}^2$, не имея теоретического понятия об ускорении $a = \frac{d|v|}{dt}$?

Только теоретическое понимание открывает факты в показаниях стрелок приборов, в царапинах на эмульсии, в переменах цвета жидкости, в смещениях спектра и т.п. сдвигах, которые без теории просто бессмысленны. Глазами смотрит ум. Для ученого все это видимое в лаборатории – только видимость, а **воображаемые** им сущности как раз и есть **реальность**.

Но откуда мы знаем о реальности ненаблюдаемого? Из той же теории? Но тогда в обосновании получается порочный круг? Тогда не произвольны ли они? Может быть, следует, как предложил А. Пуанкаре, относиться к теориям как сооружениям всего лишь гипотетическим и временным, принимаемым по соглашению (“*конвенции*”) ученой братии?

Мы далеки от догматического культа науки, свойственному патернальному сознанию феодального, феодального и полufeодального общества, для которого наука – свод священных идей, непогрешимых и несомненных, своего рода новая религия; университеты и академии – подобию храмов, научные публикации – не продукты критической практической выверки, а собрания вечных истин, откровений сверхчеловеческих авторитетов, гениев, сами профессиональные ученые – новые жрецы, а все их утверждения почитаются заведомой истиной, даже если они ему непонятны, вернее сказать, особенно если непонятны.

Увы, наука не столь совершенна, как нам хочется. Ее рвут разброд теорий, противоречащие им факты, непрерывные брожения, споры и упорные дискуссии направлений и школ, новаторов и консерваторов, открытия в самой себе заблуждений и потрясающие крушения собственных великих теорий, таких, как астрономия Птолемея, физика и химия Аристотеля, флюидная электродинамика, флогистоновая термодинамика, неделимые атомы, сохраняющаяся масса, линнеевская

систематика живого, ламаркистская эволюция организмов путем их “внутреннего стремления” и самоупражнения, корпускулярная теория света Ньютона и волновая теории света Юнга – Френеля и т. п. раздоры и катастрофы, о которых не принято докладывать школярам.

Но тогда в чем же преимущество науки пред иными “верами”? Или его нет? – как торжествующе потирают руки мистики?

Современная наука порождена *необходимостью*, прежде всего производственной и организационной, возникшей вместе с распространением механизмов, машин, аппаратов и другой техники, где детали, узлы и потоки движимы не человеком, а каким-то природным источником (“сами”, “авто”) и по заданному пути, единообразно и с единообразным результатом $\equiv$ по “естественным законам” (1.2.). Саморегулируемые самодвижущиеся системы, технические, химические, организменные и общественные – вот необходимая основа и поприще наук. Малейшая диспропорция (“неточность”) в количестве, форме, размерах, массе, времени и т.п. “параметрах” – и сбой, система сама по себе не работает; и никакая интуиция мастера здесь делу не поможет, как прежде спасала охотника, крестьянина и рукотворящего ремесленника, потому что технические и химические системы в своей работе безлюдны, да и в общественных системах, хотя их законы не столь жестки, люди становятся их функциональными элементами, которые при сбое ломаются и заменяются.

Для создания самодвижущихся систем как раз и необходима наука. Основная функция науки – вовсе не объяснение и не теория, как обычно думают даже в современной эпистемологии. В конце концов, какое-то объяснение мира дает и миф, и всякая идеология, а квазитеории есть и вне науки.

Общественная функция и сущность науки – базовое знание, достаточно испытанное, детальное и точное для эффективного и надежного достижения *авторегуляции практики*. А уж ради этого выработаны ее остальные прославленные достоинства, производные: свобода сомнения, критики и испыта-

ний в установлении фактов, сущностей, причин и законов, четкое и точное логическое определение и соотнесение понятий, формулировок и их условий, системность теоретических объяснений, не опровергнутые доказательства, в конечном счете, практические, – и предсказания.

Вот почему, на самом деле, построение теорий в науке – вовсе не такой произвол, как это выглядит у позитивистов-конвенционалистов, на которых и ссылаются теологи.

Реальность доказывается нашим взаимодействием, потому что **быть – значит действовать** (1.1). Факты событий и устойчивых связей между ними – законов устанавливаются вовсе не “чистым” умозрением – созерцанием, а, как можно видеть при более пристальном подходе, устанавливаются одно-временно умом и сравнивающим *действием*, – экспериментом и измерением, так сказать, умным взаимодействием – практикой. Просто сенсуалистское (см. сноска³) понимание познания у позитивистов слишком узко: они сводят его к восприятию и мышлению, но упускают основу – свое действие.

Научные понятия идеализированы, однако не произвол и не вольное соглашение, которое можно произвольно изменить или отбросить, а познавательная и практическая **необходимость**. Без них нет ни теории механики или термо- и электродинамики, ни даже всей техники и производства, начиная с 17-18 века, и истинность их понятий подтверждается **предвидимым направлением** всех их **практических результатов** – фактов, – и в этом и есть критерий истины в науке (1.1.).

И отношение теории с этими практическими фактами жестко: один противоречащий упрямый факт – и теория не принимается, самое большее – идет в запасник гипотез. Вот тебе и “свободная фантазия” и “вера”. Фантазия-то фантазия, но не свободная.

А споры между альтернативными теориями идут как раз тогда, когда те противоречат каким-то из фактов, как сегодня в электродинамике, где ни Лоренцева классическая, ни Эйнштейнова релятивистская теории – “не удовлетворяют”

вполне всем фактам, но каждая противоречит ни одному, так другому типу окаянных фактов.

И чем менее продумана теория и чем больше недостает фактов для однозначного выбора, тем больше бывает таких спорящих теорий. Так, сегодня в космологии, как мы увидим, сотни или тысячи! “теоретикообразных построений” о Вселенной (см. здесь 8.5.-6.), но по недостаточности фактов ни на одной из них невозможно определить и почти никто, кроме профанов, им не верит.

Но теоретическая многовариантность – политеорность фактов в науке – только переходное состояние, хотя и распространенное на ее “переднем крае”, в новых малоизведанных областях, но неверно эту фазу абсолютизировать, обобщать на всю науку. В науке огромно *надежно* проверенное ядро, практически проверенное.

И когда старая теория сменяется новой, учитывающей более широкие условия, в ней все прежние практические факты событий и законов сохраняются незыблемыми – как несомненно доказанные, но дополняемые новыми фактами.

Какая же тут недостоверность фантазий? В науке фантазия служит путем к истине.

И наука в фантазийности познания – не исключение. Догадки воображения постоянны также и в нашем обыденном мышлении.

И опять по необходимости. Что поделаешь? Многие в нашем мире недоступно непосредственному наблюдению: прошлое, закрытое, чрезмерно мелкое, чрезмерно далекое. Косвенные его проявления – следствия (1.5.) и по ним силлогические фантазии являются здесь единственным путем к истине.

Как мы узнаем, что в соседнем доме начался пожар? Хотя не видим огня? По сизому дыму, повалившему из форточки. Как мы узнали, что Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем? Ведь мы не присутствовали при ссоре? Потому что при встрече они не здороваются и дуются. Как мы догадались, что правительству не хватает компетенции или (и) воли и оно пребывает в растерянности, что делать? Ведь оно далеко

от нас и мы даже не бывали на его заседаниях, а в головы министров не заглянуть. Потому что оно сохраняет то, о чем гудит вся страна, – рост цен, *инфляцию*, которая опустошает народные кошельки, а лишая приемлемых по цене **долгих кредитов**, душит жилищное строительство и все народное хозяйство. Или отделяется общими обещаниями держать ее “под контролем” и принять меры, – нелепые, вроде административного замораживания цен.

Хороши бы мы были, если бы, поверив мудрости позитивистов, отказались от всех таких силлогических фантазий, дескать, это непосредственно ненаблюдаемо, – и оставили дом гореть, пригласили бы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича поучаствовать в дружеской беседе и продолжали бы надеяться на то же правительство.

Беда не в фантазии, она может подарить как истину, так и ошибку. Чтобы фантазия не дала промаха, она должна следовать **уместным** (1.7.) законам, а логические выводы из нее “подтверждаться” (1.1.) **практикой** ≡ давать предвидимые результаты – факты.

В этой практически **неопровергнутой доказанности** (1.1., 1.7.) и состоит отличие науки от мистицизма, где в умозрении может быть сколько угодно контрфактов и абсурдов – логических противоречий, но его все равно сохраняют.

Таким образом, и в развитии теорий действует тот же гносеологический закон – **относительной абсолютности** истины: хотя части теорий новыми условиями могут отсекаются, перестраиваться и дополняться, но относительно своих условий все практическое содержание теории истинно абсолютно.

Однако *заранее* знать эти объективные границы истинности теории невозможно.

1.9. Две веры.

Как видим, обобщения теорий исключают всякую слепую веру: в них есть место вере, но не меньше и сомнению. Мы потому-то без всякой релятивистской паники допускаем возможность в обобщениях ошибок, что всегда готовы прове-

рять их практикой. В этом постоянном взаимодействии с практикой – залог успешности познания.

Как видим, вера естественного знания и мистическая вера в корне противоположны.

Вера естественного знания выходит за практику, но основываясь на успехе практики и для того, чтобы управлять и проверяться практикой.

Вера в сверхъестественное питается не успехами, а, наоборот, *неудачами* практики и потому вынуждается тревогой, страхом, отчаянием и надеждой на успех вопреки естественным законам. И мистическая вера не может быть ни доказана, ни проверена практикой – по самой своей сущности, потому что это вера в *сверхзакономерное* и непостижимое. Оттого-то “вера” мистика – на самом деле обычно вовсе не спокойная вера, а самоуверения себя.

Теологи покушаются и науку уличить в принятии лишь на веру, – того, все более частого, что в ней непонятно и кажется абсурдным, как, например, корпускулярные и волновые свойства света. Уж если мы естественного не понимаем, – с удовлетворением заключают они, то “тем более проявляется природная ограниченность рассудочного мышления в царстве духа” (“Журнал Московское патриархии”, 1962, №4, с.157)

Но зачем же отождествлять необычайное и потому непредставимое с бездоказательностью?

Конечно, в теории света, обнаруживающего свойства сразу и частиц, и волн, есть “безумное” противоречие, и нам его нелегко представить. Но это вовсе никакая-то “природная ограниченность” мысли, а практическая.

Подобные “абсурды” науки есть просто противоречие практике обыденного мира, – того, который и питает наше воображение, – поэтому-то нам их и нелегко вообразить, но противоречие практики же – других: космического, электромагнитного, внутриаомного и прочих странных миров, открываемых наукой. (О различии очевидностей и законов разных областей действительности мы уже толковали: 1.2).

Противоречивые свойства света практически обнаруживаются, а противоречия, скажем, в догмате о христианской троице – едином боге в трех лицах – покоятся лишь на святой благодати.

1.10. Неправдоподобная возможность и чудо.

Старания теологии венчать на царство бездоказательную веру равносильны признанию отсутствия практических доказательств. Теологии остается одна надежда – найти бога в сумерках вероятности – попытка вероятностного доказательства: из возможности противоречащего разуму и опыту вывести хотя бы возможность чуда:

– Как вы можете отрицать чудеса только потому, что они противоречат вашим понятиям и опыту? – удивляются они. – Противоречие нашему разуму и опыту – не опровержение. Разве Гёте не смеялся известиям о падающих с неба камнях - метеоритах, а Парижская академия не заклеимила их суеверием? Разве до 18 века гипноз не отрицался учеными как сверхъестественное? А если бы, например, Пушкину сказали, что люди могут летать выше туч, что может быть изобретено средство, способное в один миг разрушить целые города и страны, что люди могут слышать и видеть друг друга через моря и леса, разве он не мог бы расхотаться такому рассказчику, как последнему фантазеру? Ведь все это тоже противоречило его понятиям и опыту. В ту пору не могли и помыслить о таких вещах. Но разве сегодня нет самолетов, атомных бомб, радио и телевидения?

Что ж, верно. Люди считают противоречащее своему разуму и практике абсолютно невозможным (об этом мы уже говорили, см. 1.2-3.), тогда как оно всего лишь неправдоподобно.

Как ни печально, даже умные люди совершают такую ошибку, с порога отвергая все небывалое. К Наполеону пришел молодой американский изобретатель и предложил ему построить паровой флот, который мог бы высадить десант в Англии при противном ветре, когда английские парусники были бы парализованы. Но корабли без парусов показались гению

войны столь невероятными, что он прогнал Фултона. А через несколько лет пароходы были построены.

Что уж говорить о пошлых посредственностях. Стефенсона с его проектом паровозной тяги тогдашние ученые корифеи просто высмеяли, не пожелав даже испробовать изобретение: зачем, когда их неопровержимые теории доказали, что ни одна машина не может развить скорости более 12 миль в час? В 1939-42 годах – целых три года войны – американские правительственные чиновники не хотели и слушать "сумасшедших" изобретателей, предлагавших проект атомной бомбы.

Чтобы оценить талантливое и новое, надо самому быть хоть в какой-то степени талантом и новатором.

Да и в быту правде не верят, если она неправдоподобна. Не-правде-подобное невероятно. Кто поверит, к примеру, что человек залез в кассу только для того, чтобы взять пятак на метр? Хотя и такое не исключено. Но верят выдумкам, если они правдоподобны. Именно на правдоподобии фантазии строится реализм в искусстве, – закон искусствоведения, сформулированный еще Аристотелем.

Явление может противоречить нашему разуму и практике просто оттого, что с подобным мы еще не встречались. Будущие открытия сплошь и рядом перечат сегодняшней практике. Потому-то они сегодня и не открыты. И, тем не менее, они возможны. Обобщения нашего опыта, как мы выяснили, не абсолютны. Люди считают противоречие своему разуму и опыту невозможным, тогда как противоречие нашему разуму и опыту – только неправдоподобно – то есть невозможно в известных нам до сих пор обстоятельствах нашего опыта. Невозможность не абсолютная, а относительная. При других обстоятельствах возможен и другой опыт.

Правдоподобное возможно, но возможное бывает неправдоподобным.

Но если противоречащее нашему опыту и разуму возможно, то неужели и чудо – не сказки для младенцев?

1.11. Отношение чуда к практике.

– Именно так, – спешат уверить нас мистики. Стоит кому-нибудь известному ученому обмолвиться о возможности неизвестных нам миров, как теологи с ликованием заключают, что вот-де и "современная научная мысль пришла к признанию существования иных миров", а они, понятно, доступны только "окультизму и духовно-мистическому опыту". (Б.С.Б., с.84).

Противоречие практике – абсолютное опровержение относительно обстоятельств того же рода, в каких протекала эта практика. Однако хотя противоречие практике опровержение не всеобщее, оно и не доказательство. Доказательство – согласие с практикой. Сегодня самолеты, атомная энергия и телевидение не противоречат нашему опыту, а, напротив, включены в деятельность человека. И в будущем человечеству предстоит еще много для нас невероятного и немыслимого. А чудеса всегда противоречили опыту и сегодня противоречат.

– Но откуда вы знаете, что они завтра не перестанут противоречить?

Этого, действительно, нельзя сказать. Многое из того, что считалось чудом, сбывалось. Но то, что станет обыкновенным и покорным деятельности человека, никогда не было чудом.

Противоречие опыту возможно, однако действительностью оно становится, только когда согласно с другим опытом. Но чудо, согласное с опытом, – не чудо.

Раз чудо – событие, противоречащее законам вообще и законам его обстоятельств, в частности (см.1.2.), то отсюда следует принципиальная невозможность его практического доказательства.

Фрагменты из главы 2. ЧУДО СЛУЧАЙНОСТИ.

2.1.Сверхъестественно ли случайное?

Наконец, мистики видят чудо в самом обыкновенном событии, когда оно редко и случайно и в особенности, если оно совпадает с их молитвой или магией.

. . . . .

В случайном спасении особенно часто видят чудо: упадет ли кто с высоты и не разобьется, угодит ли под машину и невредимо проскользнет между колесами, попадет ли под страшный артиллерийский обстрел и уцелеет, – все предстает чудом. В православных и католических храмах обыкновенны молебны в благодарность за подобное чудесное спасение. А сколько людей ушло в баптистские общины, в священники или монахи, посвящая богу чудом спасенную жизнь? Да и обыкновенно об одном и том же событии один человек говорит "случай", а другое – "судьба". Вера в приметы есть вера в сверхъестественность случайности.

Отожествление случайности с чудом принято всем современным богословием: и протестантским, и православным, и неотомистским, и мусульманским.

. . . . .

Как обобщает протестантский философ Ф.Шлейермахер, "чудо есть религиозный псевдоним случая". И католические теологи подтвердили его афоризм в своем ответе: "Случай есть атеистический псевдоним чуда".

. . . . .

Итак, сверхъестественна ли случайность? Нарушает ли случайность *непременность законов*?

По традиции, пожалуй, общепринятой со времен Аристотеля, случайность определяют через возможность: случайность – это возможность для события при определенных условиях быть и не быть. Случайно событие, которое могло бы не быть, которое бывает иногда, не всегда, непостоянно. Иначе говоря, случайность – это наличие нескольких возможностей.

Противность случайности – наличие одной единственной возможности и, следовательно, отрицание всех других, невозможность не произойти – философы называют обычно необходимостью. Так не только в русском языке, но и по-английски *necessity*, и по-немецки – *Notwendigkeit*.

Мы будем называть эту единственность возможности по обыденному **непременностью**, а слово необходимость сохраним для обозначения нужды, надобности (*need, Not*) – невозможности существовать без своего условия (как говорят, "нельзя обойтись"). В быту эти слова именно в таком смысле употребляются: говорят: "необходимость заставила его..." – это не значит, что непременность заставила, и все понимают эту разницу. Из того, что пища необходима, еще не следует, что человек ее непременно получит.

.....

Непременность же существует независимо от нас и наших возможностей. Почему независимо? Потому что непременность – особенность связи явлений, а именно устойчивость связи, одна из сторон закона – непременной однородности отношений всех однородных вещей (см. 1.2.). Непременность неотделима от закона, не существует вне него.

.....

Но если всё в мире имеет причину, то откуда же случайность? – противность непременности? Или, в самом деле, случайность нарушает непременность законов, то есть сверхъестественна?

.....

Из главы 3.

3.СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СУДЬБА ИЛИ СВОБОДА ВОЛИ?

Еще одно проявление сверхмира мистики видят в судьбе и свободе воли. Перед ними благоговеют и рядовые верующие, и теологи всех церквей, и даже такие интеллектуальные философы, как Ясперс, Марсель и другие современные экзистенциалисты.

3.1. Судьба сверхъестественная и естественная.

Судьбой называют неотвратимость или неизбежность для нас событий собственной жизни или окружающего мира: люди вроде марионеток разыгрывают комедию истории, заранее сочиненную сверхприродой или природой.

Соответственно фатализм бывает мистическим, причем двух родов.

Одни видят судьбу каким-то надзвездным владыкой над самими богами. Такой она предстает в языческих и современных народных суевериях, в космическом логосе – разуме и законе мира – у Пифагора, Платона, Гегеля и в роке (фатуме) – у Зенона, Сенеки, Марка Аврелия и других античных стоиков, которые представляли рок недвижимым, безглазым, чтоб не видеть, кого он возносит и кого давит, и невидимым.

Другие считают судьбу подвластной богу: судьба – это божье предопределение человека к счастью или к мучению, – "спасению" или "осуждению", хотя б и незаслуженному, но предрешенному на небесах; каждый исполняет предназначенное ему, как и все человечество. Таково непрерывное божье творение мира – промысел (*creation continua*) и провидение (*providentia*) – у Августина, Магомета, Аввакума, Лютера, Кальвина.

Хотя кто кому подчинен: бог судьбе или судьба богу – внутренняя забота мистиков; но, так или иначе, эта судьба сверхъестественна.

Но бывает фатализм материалистический, – да-да! как ни удивительно кому-то это слышать. Таковы Гераклит, Демокрит, Гоббс, Спиноза, Гольбах и другие английские и французские просветители 16-18 веков, заменившие христианское провидение понятием прогресса как “естественного закона истории”. “Наша жизнь – это линия, которую мы должны по повелению природы описать на поверхности земного шара, не имея возможности удалиться от нее ни на один момент”, – думал Гольбах (т.1, с.208-209).

Что бога воображают драматургом нашей жизни – не удивительно. Для Гегеля природа была именно окаменев-

шим мышлением, а неизбежность ("необходимость") – предначертанием Духа (Т.1, с.147).

Но как сочиняет будущее природа? Как понимает предопределение материалист?

Для детерминистского фатализма нынешние условия неотвратно предопределяют будущие исходы и сами предопределены бесконечной цепью следствий и причин, уходящих в прошлое. Предопределенность без предопределителя, потому что без конца.

Это естественное предопределение и явилось основанием для заключения о сверхъестественном предопределении. По богословским утверждениям, причины и условия природы, определяющие события, как раз и созданы богом как средство для достижения его целей. (*Brugger W, S.367.*)

. . . . .

3.2. Причина воли или свобода.

Помимо прочего, фатализм основывается на причинной определенности самой **воли**: наших влечение и желаний, – духовной определительницы наших действий. Если причинность **всеобща**, то должны быть причины также и у наших волений, и, следовательно, нет свободы воли.

В этом же русле также и марксизм видит в сознании человека “отражение” определяющей его действительности, а именно его бытия, почему Ленин прямо бранил “вздорную побасенку о свободе воли”. (Т.1, с.142); и, хотя Энгельс иногда говорил о “свободе воли“, но в другом смысле – свободы *для* воли.

Но разве установление наших хотений причинами не создает судьбы? По-видимому, обусловленность сознания означает фатальную предопределенность человеческих поступков, обрекая людей быть орудиями своей собственной судьбы. Кажется, что без свободы воли человек есть марионетка, а его желания – нити, концы которых в руках обстоятельств, и они забавляются нами, вообразившими себя свободными. Так думал Платон (т.3(2), с.108, 283) и так выну-

ждены были думать материалисты от Демокрита (с.67-70) до Гоббса (т.1, с.238, 531) и Гольбаха (т.1, с.209-217); так и теперь полагают Дж. Уотсон, Б. Скиннер и другие американские бихевиористы (от англ. *behavior* – поведение) в психологии и социологии.

Получается: либо судьба, либо свобода воли? Мистический вариант: божье предопределение или человеческая независимость?

У мистиков эта альтернатива превращается в неразрешимое мучительное противоречие, потому что божье всемогущество исключает независимость человеческой воли и наоборот, но мистики не могут отказаться ни от того, ни от другого, поскольку божье определение человеческой воли означает ответственность бога за человеческие злодеяния. И это противоречие непреодолимо для теологической философии (о нем еще дальше, в главах 5 и 6).

. . . . .

– Если воля обусловлена, то есть ли какая ценность в человеческой *личности*? Неужели человек – всего лишь автомат с заданной программой действий? Влюбленные трепещут в ожидании свидания; бунтарь сквозь измены и казни несет свою осмеянную мудрость; семья рыдает над умершим отцом; бушует собрание, заглушая оратора, – люди ликуют, скорбят, спорят – и все это только кукольный театр? Картина оскорбительная для венца природы.

. . . . .

– Еще ужаснее другая потеря: если воля обусловлена, то какой смысл восхищаться добродетелью и карать преступления? По-видимому, без свободы воли человека не волен ни в помыслах, ни в поступках и оказывается нравственно невменяемым: что бы он ни совершил, все причинено и, следовательно, не его заслуга и не его вина, он не несет за свои дела ответственности, как больной за свою болезнь. Выходит,

обусловленность воли обесмысливает *нравственность и право?*

– И самая страшная опасность: если воля обусловлена, то возможна ли *свобода?*

Да, воля определяется причинами – и поэтому нет свободы, – мрачно заключают монолектики – как из материалистов, так и из мистиков.

Одни признают это с негодованием, как встарь Эпикур, а теперь Ж.П.Сартр, которые обосновывают этим свое субъективистские бегство от смут и деспотий или свой субъективистский бунт против капитала и бюрократии: долой причины духа, "мы сами себя выбираем" – или мы рабы. (2000 г. с.445, 557).

Другие провозглашают это с одобрением, как в античных Афинах Платон, а теперь в Америке профессор В. Скиннер в своем нашумевшем в 1970 году бестселлере "По ту сторону свобода и достоинства": оба оправдывают этим подавление личности – древней аристократией или современной капиталистической бюрократией: все равно, мол, свобода – иллюзия.

Именно идея внешнего причинения воли, характерная для мистики и монолектического материализма, как раз и питает утопии дивотворной *тотальной диктатуры*. Её прожектерам кажется, что диктатуры всеильны: способны массовой дезинформацией и внушением, подкупом и страхом заставить подвластных людей хотеть и делать, что угодно власти, даже создавать "новых людей".

Вот почему человека пугает мысль, что сами наши желания объективно причинены. Задумавшись как раз по такой монолектической логике о том, что хотение "делается по законам природы", "подпольной человек" у Достоевского начинает тревожиться опасениями, как бы не "утратить" "самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность": с возмущением он обнаруживает себя не более чем штифтиком, все поступки которого могут быть расчислены математически "вроде таблицы логарифмов" и "занесе-

ны в календарь". "Так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получаются всевозможные ответы". И "не будет более ни поступков, ни приключений", а жизнь станет ужасно скучно: "Ну что за охота ходить по табличке?" От такой картины его прямо бесит, подмывает "столкнуть все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтобы нам опять по своей глупой воле пожить!" Да он лучше нарочно сумасшедшим на этот случай сделается, чтобы не иметь рассудка и настоять на своем!

Вот почему многие ...

.....

3.7. Закон необходимости.

.....

А сущность отличия, главный закон живого – оно само сохраняет свое существование и стремится к самосохранению.

.....

... как все на свете, живое существо тоже является следствием стечения причин, или, как их в этом случае называют, его условия (см.2.2.; 2.4.; 3.6.), то есть живое невозможно без своих ПРИЧИН. Так стремление к сохранению своего существования превращается невозможностью существования без своего условия в *повеление* их достичь, – *самый существенный закон живого* – закон необходимости: действия живого подчинены необходимости. А вовсе не результат произвола - "свободного выбора".

Необходимость – это “повеление” невозможности быть собой без УСЛОВИЙ такого бытия. Необходимость является следствием, с одной стороны, причинности всего живого и, стало быть, невозможности жить без своего условия, а, с другой стороны, **саможивительности** живого и, стало быть, его устремленности к своему условию. Необходимость есть такое отношение живого с миром, которое обеспечива-

ет его существование и делает невозможным для него жить на уровне его развития без своего условия и тем самым велит действовать для достижения этого условия.

Условие – то отношение мира к живому, без которого оно погибает, иначе то, что необходимо, – называют предметом необходимости, необходимым отношением, или просто необходимым. Бывает, впрочем, и слово "необходимость" употребляется в смысле "необходимое".

Отличие необходимого отношения от существующего в действительности отношения, короче, отличие необходимого от действительности, иначе говоря, отсутствие необходимого, неисполненная необходимость называется *нуждой*, а безотносительно к наличию – **потребностью**.

Однако потребностью называют также *представительство* необходимости в организме субъекта, включая его нервную систему и физиологические процессы, сознание – от чувств, в том числе внутренних ощущений – побуждений биологических потребностей – до знаний разума. Поэтому потребности – представительства могут быть не только *истинными*, но и *ложными*, когда не соответствуют необходимости, как потребности наркомана или маньяка ложной идеологии. Тогда как **необходимость ложной** никогда не бывает – по её определению как **объективности**.

Если необходимого отношения нет, то это значит только – есть гибельное отношение: жажда, холод, технические неполадки, плохое управление и т.п. Именно гибельное отношение устремляет действия живого к необходимому. Жить заставляет гибель; жизнь есть борьба со смертью.

Самосохранение достигается живым посредством его *самоизменчивости*: действия – либо выбору внешних условий применительно к своим нуждам, либо – при отсутствии таких условий – изменения самого своего собственного организма, а у людей – посредством *изменения* этих внешних условий. Здесь уже не просто выбор из набора стереотипов, шире чего уже инстинкт, а создание все новых и новых отзывов – развитие.

Но не только отдельные особи. Ее величество необходимость – незримая царица общества. Она сокрушает любых диктаторов, но ее свергнуть нельзя.

Общество может позволить себе получить лишний продукт за счет отдыха работника – его досуга и бытовых условий, необходимых для его самовосстановления и развития: квартиры, развлечений, выходных костюмов, клубов, – но теряет потом в несколько раз больше за счет снижения его энергии, а там и преждевременного истощения трудоспособности. Развитие производства вызывает потребность в знаниях, она – потребность в чтении, общении, библиотеках, досуге и других условиях для обновления и расширения знаний и вообще культуры. Через пять лет, если инженер, врач или учитель не работает над своим интеллектом, он не знает уже половины того, что знал, и еще столько же или больше из того нового, что ему надо знать. Общество может пренебречь этой необходимостью и сэкономить на интеллектуальном досуге и быте, но тогда оно приходит к тому, что возможности производства остаются неиспользованными и даже в действующем производстве начинаются всякие неполадки: выпускается брак, больные уходят от врачей невылеченными, его дети в школе приобретают не интерес и любовь к знаниям, а отвращение и вырастают неучами и т.д. Жадность оборачивается расточительством. Больше того, пренебрежение к необходимости соразмерной зависимости между трудом и потреблением обернулось в свое время для маоистского Китая годами страшного голода и экономического регресса.

Стихийное понимание ее величества необходимости слишком хорошо знакомо людям труда. Нет человека, который бы не пользовался этим словом. Даже такой мечтательный философ, как Платон, не обошелся без него (т.3(2), с.33). Но за тысячелетия истории оно так и не попало в философию и в частные науки в качестве теоретически определенного и исходного понятия.

. . . . .

Здесь мы, понятно, не можем подробно рассматривать следствия закона необходимости; но с него начинается материалистическая теория общества; только через анализ необходимости возможно решение многих коренных и до сих пор не решенных проблем социологии, экономики, гносеологии, эстетики, психологии, биологии, в том числе и самого понятия проблемы. Не будет преувеличением сказать, что закон необходимости имеет для этих наук значение большее, чем ньютонов закон тяготения для физики.

Ведь именно необходимость *охраняет* сами общественные законы. В отличие от законов природы законы грамматики и вообще языка, законы логики, морали, искусства, ремесла и вообще технологии существуют не помимо нас, а в нашей деятельности и, хотя они не зависят от нашего произвола, но вполне могут быть нами нарушены, за что их нередко именуют даже правилами.

Однако мы подчиняемся этим законам, потому что они необходимы – без их соблюдения язык, мышление, искусство и производство расстраиваются, не могут выполнять свои функции. Нарушение грамматических законов лишает нас взаимопонимания или, по меньшей мере, приводит к недоразумениям. Нарушения логических законов лишает нас успешного мышления и приводит к ошибкам. Без соблюдения эстетических законов невозможно создать хорошее художественное произведение. И т.д. А выполнение каждым таким родом человеческой деятельности своих функций необходимо для нашей жизни. Соответственно речь идет о *необходимости* “языковой”, “логической”, “моральной”, “художественной”, “технологической”, “экономической” и т.д.

Именно необходимость создает также такое сладко-мрачное явление общественной жизни как *власть*. Именно необходимость используют властители для принуждения зависимых людей к угодной им деятельности – благодаря владению необходимыми условиями чужого существования, например, землей или другими средствами производства, –

материальная основа власти тех, кто извлекает выгоду из угнетения.

Сами же необходимости этих общественных процессов порождаются их *причинными законами* и их значением для человека.

Становится понятно, отчего *непременности* законов внешнего мира выступают для мышления в форме *необходимости логических* законов. Должно быть, это обстоятельство и явилось основой того, почему философы, считающие первичным мышление, стали именовать непременности объективного мира “необходимостью”(2.1.), а тысячелетия преобладания такой философии привели к преобладанию в ней и этого словоупотребления.

.....

Конечно, и человек – продукт труда и общества – тем не менее, обладая телом, остается биологическим существом, для которого животные потребности первостепенны. Много желаний у того, кто не испытывает жажды. Но у того, кто долго оставался без воды, – довлеет только одно – пить. Но принудительность производственно-общественных потребностей ничуть не слабее, чем биологических, потому что они есть производственно-общественное преобразование биологических и их неудовлетворение ведет к неудовлетворению и тела. Остановись водопровод – общественное производство – и горожанин не утолит жажду – животной потребности, а затынись простой – и замрут машины, заводы и все заведения города, а население уйдет или погибнет.

Человек – только по рождению животное, вернее, даже не животное, а особо развитое, но биологическое существо. “Человеческой личностью” он становится только в общении с другими людьми и в своей общественной практике – создавая вещи.

.....

Из главы 5.

5. ОТКУДА ПРЕКРАСНОЕ?

5.1. Загадка ценности.

. . . . .

Религия объявляет себя оплотом нравственности и гуманности, уверяя в небесном происхождении морали: если бога нет, то нет морали и все позволено, – так будто мораль держится исключительно страхом перед всеведущим ее стражем, а атеисты безнравственны и антигуманны. Таково общее место и отцов церкви (например, у *Августина Блаженного* и *Иоанна Златоуста* (Творения, с.12-14), и любого современного богословского сочинения или храмовой проповеди.

. . . . .

Мысль о сверхъестественном происхождении эстетического и нравственного сознания обуславливается его противоречивостью и незнанием современной *аксиологией* (теорией ценности) его естественного происхождения, что следует из общего недостатка понимания человека и общества.

В чем сущность ценности?

5.2. Объективна ли ценность?

Неразрешимой кажется уже дилемма: объективна ценность вещи или субъективна?

Традиционная материалистическая эстетика и этика были “*натуралистическими*”. Демокрит, Дидро, Лессинг, Гердер, Белинский, Чернышевский считали ценность вещи её объективным свойством: ценность вытекает из природы (“*натуры*”, естества, физики) вещи.

Однако если ценность вещи объективна, то почему одно и то же оценивается по-разному: то прекрасным, то безразличным, то безобразным?

. . . . .

натуралистическую этику: нравственность вытекает из природы (“естества”, физиологии) человека: благо – это со-

ответствие и следование естеству, зло – то, что противно ему, а средство их познания – *чувство*: показатель соответствия – наслаждение, несоответствия – страдание, а их различие в определении не нуждается.

. . . . .

. . . обострившаяся боль антагонизма нравственности вела Канта к критике натуралистической этики: в реальном обществе добро для одного человека оказывается злом для других, – и Кант заключает о порочности человеческого естества и, следовательно, противоестественности нравственности: человек может быть нравственным, лишь подавляя в себе естество. И, наоборот, добро для других людей – зло для самого благодетеля, – и Кант заключает о порочности общего блага и, следовательно, противообщественности нравственности: благодеяние – жертва собой ради эгоизма других, то есть недостойных жертвы.

. . . . .

Но на закате 19-го и в трагических катаклизмах 20-го века кантовское отчаяние в мирской бессмыслице и спасение в лоне божием стало любимым и “самым современным” умонастроением. И не только у его прямых последователей, – таких, как Кассирер, Риккерт, Гартман, но и у Шопенгауэра, Ницше, Хайдеггера, Ясперса и других экзистенциалистов.

Начиная с Достоевского, Толстого и Франса, эти меланхолические мотивы постоянно звучат и в литературе. То же кантовское обручение морали и религии итожит знаменитый карамазовский афоризм: “Если бога нет, то все дозволено”. А значит, дозволены любая подлость и любая жестокость, – без предела – даже концлагеря и истребление миллионов?

В страшное время тоталитарных диктатур и мировой бойни, когда вопрос о том, что такое хорошо и что такое плохо, означал для каждого, идти ли в бой и на гибель или смириться, в оккупированной Франции отчаянное усилие

понять, на чем же, если не на божестве, основаны добро и зло, – предпринял Ж.П. Сартр в своем капитальном труде “Бытие и Ничто” (1943 г.).

• • • • •

Ныне даже притязавшая на исключительную научность позитивистская философия сдается перед аксиологическими парадоксами: “С помощью одной лишь науки нельзя доказать, что наслаждаться, причиняя другим страдание, плохо”. (Рассел Б., 1959, с.841, 202). Наши оценки не отражают ничего, кроме чувства, поэтому их не с чем сравнить – и во вкусах и в морали нет ни доказательств, ни опровержений, есть лишь доводы – психологические воздействия.

Людям, привыкшим отстаивать свои вкусы и моральные убеждения, спорить с теми, кто их не разделяет, наивно думая, что в оценках, как в науке, один прав, а другой неправ, позитивизм приготовляет ошеломляющий сюрприз; оказывается, противоположные оценки одного и того же (“Воровать – добро” и “Воровать – зло”) не противоречат друг другу: обе правы, ведь обе “только чувства”.

Благонравные обыватели были шокированы таким нигилизмом, на позитивистов посыпались обвинения в моральном цинизме и волюнтаризме: если все правы, значит все позволено? Перепугавшись кривотолков, те поспешили с уточнениями, от которых их критики пришли в еще большее негодование: моральные суждения могут быть истинны, но лишь в смысле “согласия” с ними других людей. И только.

Конечно, Рассел, обличитель преступлений гитлеризма, американской войны во Вьетнаме и т.д., на практике вовсе не такой аморальный релятивист, а человек честный и совестливый и, надо полагать, искренне верил в правоту своих моральных осуждений, но в теории он не видит для них никакой объективной основы.

• • • • •

Почему же невозможно сверхъестественное происхождение ценностного сознания?

.....

5.7.Необходимость – источник ценности, оценки и идеала

.....

Тайну и противоречия ценностей раскрывают выдвинутые в третьей главе понятие и закон *необходимости*.

.....

5.8. Как же образуется идеал?

.....

Таким образом, идеалы не произвольные выдумки, а *мысленные* возможности устранения зла из своего реального бытия, удовлетворения реальной потребности.

Вот почему так называемые “*социалистические*” и “*коммунистические*” идеалы крестьян и ремесленников, разоряемых современными промышленными экономическими условиями, – их уравниательные и деспотические коммуны – есть только реакция на эти враждебные им условия и, соответственно, идеализация их уходящего старого бытия. Но и “социалистические” и “коммунистические” идеалы *сalarиев* – наемных промышленных работников – оказываются ничем иным, как идеализацией их реального бытия, для этого мысленно освобожденного от власти собственников, но еще не предвидящего воцарения тогда тоталитарного всевластия бюрократии.

.....

Из главы 7.

7. МОЖНО ЛИ ДОКАЗАТЬ БЕСКОНЕЧНОСТЬ МИРА?

.....

Но даже и от малограмотного религиозного человека, ничего не знающего в теологии, можно услышать: если творца нет, то откуда же мир?

.....

Полагая бога первой причиной, запрещают себе естественно напрашивающийся вопрос: Если бог создал мир, то кто создал бога? Одну тайну заменяют другой.

. . . . .

7.4. О недоказуемости бесконечности

Никто не видел предела и начала мира, но это не может быть доказательством их несуществования. Однажды был такой случай: землекопы обнаружили бесконечный тоннель.

– Почему же он был бесконечен?

– Потому что они до конца не докопалась.

Не принимаем ли мы мир за бесконечный лишь потому, что не дошли до его конца?

Никто никогда не наблюдал “всей” бесконечности мира, а если бы и узнал, она бы перестала быть бесконечностью.

Наблюдать беспредельность и вечность невозможно. Такого доказательства бесконечности быть не может.

. . . . .

7.5. Закон превращений.

Есть два единых закона, доказывающих бесконечность мира.

. . . . .

Из главы 8.

8. КОНЕЧНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ В ФИЗИКЕ

В новейшей физике древняя идея первой причины или конечной бесконечности тоже выступает, разумеется, не в своей младенческой наготе.

. . . . .

Но не может же быть такое поглощение “черными дырами” вещественной и электромагнитной массы безвозвратным? (1.2.) Тогда уже никакое противодействие не сможет сдержать гравитационное сжатие коллапсара – и он должен

сжаться в “точку”, а вся вселенская масса, включая и нас с вами, за бесконечное прошлое давным-давно должна бы в этих дырах исчезнуть. Но ни того, ни другого, слава богам, нет.

Для разрешения возникающего противоречия предполагают, что при достижении какой-то еще большей критической величины должен происходить взрыв пока неизвестных нам сил. Таким образом, полагает И.Новиков, должны быть также и “*белые дыры*”, по которым масса возвращается в нашу Вселенную.

Напрашивается догадка: может быть, “белые дыры” – это *квазары*, то есть квазизвезды по их оптическому виду, но из которых как раз и вырываются чудовищные потоки излучения, больше чем из целых галактик? Может быть, квазары и есть взрывы “черных дыр”?

Тогда нам открывается гармоническое соединение “исчезновения” с “возникновением”, – разумеется, опять не абсолютных исчезновений – возникновений, а только относительно нас, а в целом – еще один гигантский круговорот вселенского превращения (в дополнение к ранее установленным 7.5.- 7.6.), – и никакой мистики.

. . . . .

8.3.Если звезд – бесконечность, то почему небо черное?

. . . . .

8.4. Взрыв вселенной

В 1912-14 гг. астроном В.Слайфер заметил в спектрах туманностей смещение линий, причем чаще к длинным волнам, красному концу, чем к фиолетовому.

. . . . .

Много было разных объяснений *красному смещению*.

. . . . .

Из главы 9.

9. ОПРОВЕРЖИМО ЛИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ?

.....

9.2. Опровержимо ли сверхъестественное?

.....

Но после такого поражения теология поднимается в контратаку:

– Но ведь нельзя и “опровергнуть” существование сверхъестественного, то есть доказать, что сверхъестественного не существует. А в таком случае, возможно, оно и есть? – торжествующе вопрошает она.

.....

9.3. Дуалистский агностицизм

Между этими крайними решениями встраивается третье – *дуалистский скептицизм* или, как назвал такой взгляд известный дарвинист Т.Гексли, *агностицизм* (от греч. *ἀ γνῶσις* – не знаю). Его ответ заключается в отказе от ответа:

– Не знаю, есть или нет сверхъестественное. И мистицизм, и атеизм – равно бездоказательны: невозможно доказать ни то, что бог есть, ни того, что бога нет; и то, и другое является делом веры: мистика – вера в то, что сверхъестественное есть; атеизм – тоже вера, – в то, что сверхъестественного нет.

А религиозность или безбожие масс безотчетны и внешни, проистекают они из внутреннего безразличия (индифферентности) людей и влияния среды – просто из боязни общественного мнения люди склоняются на сторону господствующего мировоззрения, но становятся в тупик перед первым же теоретическим вопросом об его обосновании.

.....

Однако “религиозный опыт” – последний аргумент также и в современном православии (*Осипов А.И.*, с.147-148), которое на этом основании даже величает “богопознание” – религию “опытной наукой” (с. 171).

Так-то. А вы, небось, и не знали о такой опытной науке?

Однако если “откровения” дают абсолютную истину, то почему же этот “мистический опыт” как будто бы одного и того же сверхъестественного – у людей столь *различен*? Тысячелетия тянутся ожесточенные раздоры и расколы между церквами и внутри них, на всяких соборах, где каждый объявляет истинным только свое откровение и зло отвергает другие. Вся история религий – нескончаемые споры об откровениях мистического опыта, кончить которые пытаются Великие Инквизиторы.

Откровения, почитаемые в одной конфессии (например, в “поврежденном” католицизме), могут отвергаться в другой (например, в православии, с.259-266) и наоборот. И так всегда. И в древней Библии чужие чудеса – *египетских* жрецов – не более чем фокусы.

Но как может быть иначе, если этот “внутренний опыт” другим людям не видим, не слышим, и недоступен ни логике, ни эксперименту, ни фотографии и никаким приборам? Если его невозможно вынуть из своей души, чтобы предъявить другим, так что другому таким своим “опытом” ничего не докажешь.

Где же из таких раздорных терзаний мистического опыта выход к его “абсолютной истине”?

.....

Фрагменты из главы 10.

10. ПРИЧИНЫ МИСТИЦИЗМА И АТЕИЗМА

.....

Итак, ни обман, ни невежество, ни неразумие, ни страх, ни бессилие, – ни порознь, ни все вместе – не причины мистики. (С. 328)

Тогда что?

.....

10.4. Закономерности образования мистики

.....

И как ни кажется это немислимо для обычного примитивного понимания мистицизма, как видим, мистическое сознание здесь совершенно **логично** и **истинно**.

. . . . .

Таким образом, **мистика** – это во-1) практическое **обнаружение** над собой чего-то необходимого, но неподвластного и потому *неуправляемого* и непонятого, – то есть превосходящего доступное естественное, ...

во-2) . . . . .

в-3) . . . . .

. . . . .

Мистической догадки не доказаны, но их неопровергнутости **достаточно** для надежды, пусть и сомневающейся. Как мы знаем, вера есть восприятие истинности идеи (1.6.), но за это же слово люди цепляются, когда очень *хотят* верить – вопреки отсутствию для этого убедительных оснований. Мистицизм потому-то и величают “**верой**”, что на самом деле он – сплошное **сомнение**, чередование отчаяния и надежды.

Тайное сомнение всегда гложет мистика. Но он боится не верить и **хочет** верить и именно оттого-то надоедливо трубит о вере и исполнен самоуверений.

. . . . .

10.7. Разрелигенье мистицизма

Разрелигенье (дерелигизация?) мистики – ее ускользание из мистической организации (*расцерковление*) и из ее идеологических канонов.

. . . . .

Пантеистический безликий бог-мир отражает безликость владык как будто бы лично свободного горожанина – естественных социальных законов. Такой мистицизм зарождается из Платона и Плотина на закате Средневековья у Иоанна Скота Эри(у)гены, сразу же осужденного католичеством, а в

Ренессанс – у Дж. Ванини и Дж. Бруно; своей критичностью он приближается к материализму, особенно у Б.Спинозы.

В пантеизме с его безличностью бога, понятно, уже невозможно переживание живого общения со сверхъестественной личностью; остается возвышенное благоговение перед бесконечностью вселенной и восторг ее рассудочного понимания.

Религиозные ученые – такие, как Н.Коперник, Б.Паскаль, И.Ньютон, Д. Менделеев, А. Попов, В. Вернадский, Э. Шредингер или М. Планк, – обычно не более чем деисты или пантеисты. И когда церковь в обосновании совместимости религии и науки козыряет именами великих “верующих ученых”, она умалчивает, что мистицизм этих умов не имеет ничего общего с церковной архаикой, почему теистические религии его не признают, а встарь подобных вольнодумцев – еретиков они сжигали.

. . . . .

10.9. Современный атеизм

Современный атеизм обрел небывалое качество, стал таким, какого раньше никогда не бывало, – **МАССОВЫМ** и **СТИХИЙНЫМ**.

. . . . .

В чем же **причины** этого современного беспрецедентного распространения материалистических взглядов?

. . . . .

Фрагменты из: 11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

11.1. Антифиза мистицизма и материализма

. . . . .

Вот почему *любой мистик*, даже самый отъявленный, не менее чем на 90% – *материалист*.

.....

Ученый может быть верующим: такие факты есть, а запретов этому в науке нет. Но верует ученый не на научных основаниях – теоретического и практического доказательства (1.5.-1.11), какими руководствуется в своих научных исследованиях, а, как и прочие верующие земляне, – по личному “мистическому опыту” – чувству зависимости от независимого и т.д. (10.3.). Отличие лишь в том, что – сообразно уровню своего мировоззрения – на второй ступени мистификации (10.4.) в своих догадках о непостижимом ученый обычно представляет сверхъестественное не бородачом в сандалиях, а каким-нибудь простертым в пространстве мировым духом и т.д. или – как в деизме или пантеизме.

.....

Но из того, что противоречивые положения совмещаются в сознании, не следует, что они и между собой совместимы.

Почему?

.....

Как видим, наш ум – *материалист*, да сердце – *мистик*. Оно-то и заставляет только утончать форму мистицизма, отступая до идеизма и дуализма – агностицизма (10.7.).

.....

Из главы 11.3

11.3. **Опровержение** мистики

Пора, однако, перейти, к вопросу о “неопровержимости” мистики (9.2.-3.).

Агностики думают: не знаю, есть ли бог. **Атеисты** думают: знаю, что бога нет.

Но на каком основании? Кто прав?

.....

. . . *абсолютная неопровержимость* недоказуемого существования *сверхъестественного* как раз и **есть** его **опровержение**.

Как это понимать?

Это, как сейчас увидим, не эпатаж, а парадокс истины.

. . . . .

Полностью книга – на сайте:

www.Leonard-I-Braev.ru **or**

www.mari-el.ru/homepage/ibraev

О приобретении и издании **типографских**
книг обращаться по адресу

kokurin@nextmail.ru newfrost@inbox.ru или libraev@mail.ru